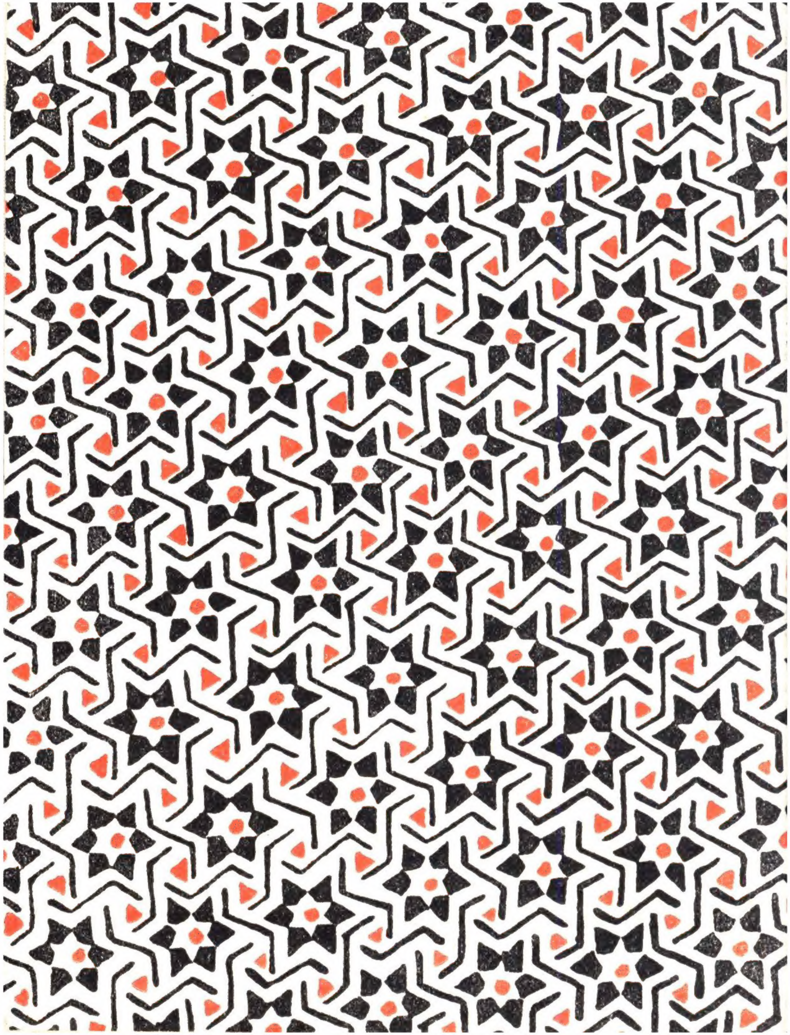
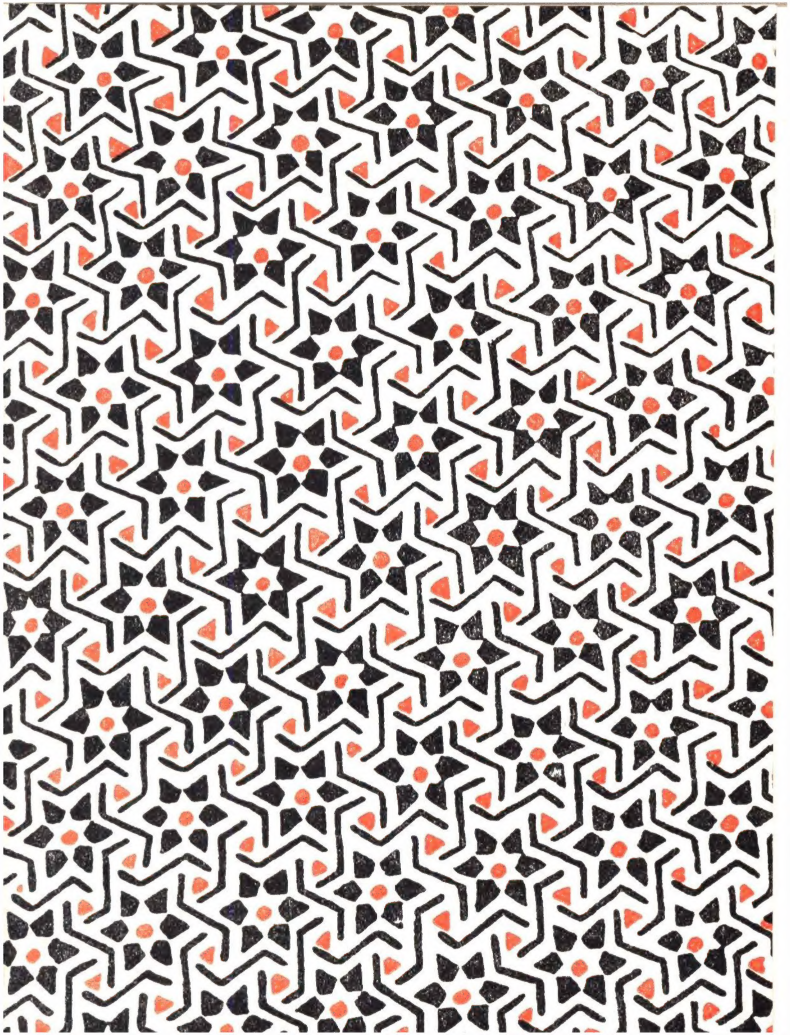
Гамзат Цадаса

Уроки жизни

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» · 1976

Гамзат Цадаса

Уроки жизни

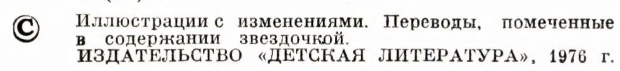
Стихи

Перевод с аварского

С(Даг)
Ц13

Рисунки
О. Зотова и О. Рево

Ц $\frac{70803-601}{М101(03)76}$ 308—76

ШУТКА ВСЕРЬЕЗ

Из воспоминаний Гамзата Цадасы о Гамзате

Говорят, Гамзат родился в ауле Цада, Хунзахского района. И будто бы отец его, Юсупил Магома, был из бедняков. Однако сам Гамзат на этот счет совершенно другого мнения: какой же он бедняк, если в наследство от отца достался ему кинжал, у которого была разбита лишь рукоять, и ружье, у которого не хватало только приклада?

Многие вспоминают, что Гамзат был весьма прилежным мальчиком, уважавшим и почитавшим своих родителей; прямо-таки опасались, как бы его не сглазили...

Когда Гамзату было лет семь-восемь, он лишился отца и попал в руки своего двоюродного дяди. Тот, как только мальчику исполнилось десять лет, отдал

его дибиру[1] в соседний аул Гиничутль — учись, мол, арабскому. Немало лет провел Гамзат в этом ауле. Дибиров сменилось много, одни приходили, другие уходили, а Гамзат так и оставался в учениках.

Рассказывают, что дибиры уважали Гамзата. Например, всю работу в поле они доверяли только ему.

Что же касается учения, то и здесь оказывали ему содействие: особенно не утруждали науками. Пусть, мол, лучше работает...

Стихи сочинять Гамзат начал в четырнадцать лет в том же ауле.

Первое стихотворение он посвятил собаке соседа.

Сосед сильно обиделся. Чего только не придумывал он, чтобы насолить Гамзату! То обвинил его в краже какой-то медной посудины, то еще что; и надо сказать, сосед не раз добивался того, что Гамзата тащили в суд. Но всякий раз в суде всплывала история злополучных стихов, и сосед снова оставался посрамленным.

На редкость везучий, смекалистый да и храбрый человек этот Гамзат: все-то ему удается, счастье само идет навстречу. Отправился он однажды сплавлять лес по реке. И тут проявил немалую сметку: бесстрашно шагал в воду, там, правда, где она была не выше колен. А если через речку перекинут был мост, Гам-

[1] Дибир — мусульманский священнослужитель.

зат даже переходил с одного берега на другой. Да и река помогала Гамзату: сама доставляла сплавной лес куда надо.

А в другой раз отправился Гамзат с друзьями в Грозный, работать на железной дороге. Товарищи потрудились там и вернулись с хорошим заработком; он же привез домой одну малярию.

Дважды отправлялся Гамзат на заработки с парой быков и арбой. Но всякий раз случалось так, что один из быков у него непременно пропадал. А в Манас-ауле, что на пути в Махачкалу, в хлеву Гамзатова кунака обвалилась крыша, и под ней погиб даже конь Гамзата. Есть в народе поговорка: «У кого нет дома, тот хорошо знает людей, а у кого нет хлеба, тот знает много языков». Во всей округе нельзя было найти ни одного аула, с жителями которого Гамзат не мог бы столковаться.

Необыкновенная у Гамзата библиотека: заполнена она не книгами и журналами, а народом. От народа Гамзат берет, народу отдает...

В 1917 году яркое солнце Великого Октября, рассеяв темные тучи, проникло и к нам. Гамзат был избран народом членом Хунзахского шариатского суда. После того как он проработал там около двух лет, в 1921 году Гамзата приглашают в Буйнакск. Там он работает в газете «Красные горы». Она издавалась на аварском языке. В этой газете впервые появляются

два стихотворения Гамзата. То, что начинается словами: «Тень не бывает прямой от палки кривой, для власти найдите руководителей как можно прямей», и другое: «О, бедный товарищ, страдалец и труженик, зачем ты оборачиваешься спиной к свободе?»

После двух лет работы в газете Гамзата направили в тот же Хунзахский шариатский суд, и на этот раз его избрали уже председателем суда. Через два года шариатский суд был сменен судом народным. В 1925 году Гамзата выдвинули на должность делопроизводителя Хунзахского райисполкома. Там Гамзат проработал около десяти лет.

В 1934 году Гамзата приглашают в Махачкалу, где был устроен его творческий вечер и выпущена его первая книга под названием «Метла адатов». Вот в этом-то году Гамзат и встретился впервые со своими двумя соратниками: Сулейманом Стальским и Абдулой Магомедовым — народными поэтами Дагестана.

Три дагестанских певца прогуливались по улицам Махачкалы, будто кони, запряженные в одну упряжку. И на заседаниях они были неразлучны, словно созвездие.

Один лезгин, другой кумык, третий аварец — три певца, и ни один не знает языка другого. Но друзья не растерялись. Они придумали свой, понятный им язык: во время бесед так размахивали руками, словно были заправскими дирижерами.

Но в 1937 году умерли два славных товарища Гамзата. И сначала ему ничего не оставалось, как горестно петь песни печали, оплакивая их. Потом Гамзат с новой энергией взялся за дело, чтобы хоть частично восполнить понесенные Дагестаном потери.

Гамзат бросает клич садоводам и полеводам. Гамзат бросает клич овцеводам и скотоводам. Гамзат бросает клич учителям и ученикам. Гамзат бросает клич колхозам, совхозам. Гамзат славит героев Советской Родины и ее торжественные праздники.

Он разоблачает подлецов, грабителей и воров, которые тянут свою нечестную руку к народному и общественному добру. Особенно охотно Гамзат сражается против устарелых адатов.

Гамзат слышит и голос худой овцы, и стоны коня с израненным хребтом. Гамзат читает жалобы волов с намозоленными от ярма шеями и горькие вопли сельпо, опустошенного растратчиками. Гамзат не любит пчелу, которая не дает меда, и курицу, что не несет яйца.

...22 июня 1941 года, когда фашисты Гитлера напали на Советскую Родину, Гамзат находился на курорте Талги. В тот же день были написаны призывные стихи Гамзата, обращенные к советскому народу.

В этой великой войне Отечества Гамзат лишился двух сыновей: один погиб у Сталинграда, другой — в Севастополе.

Но война развивалась не по тому плану, который разработали враги, и, как и полагалось, завершилась нашей победой. Гамзат написал немало стихов, рассказов, басен, пьес, воспевающих эту победу.

Советское правительство высоко оценило перо Гамзата. Ему дали два почетных ордена: один — носящий имя великого Ленина и другой — Трудового Красного Знамени, а также две медали: «За победу над Германией» и «За оборону Кавказа».

Был проведен большой юбилей — пятидесятилетие творческой деятельности Гамзата. В Махачкале и в Москве устроили несколько его вечеров. Народ оказал Гамзату большое доверие, избрав его депутатом Верховного Совета ДагАССР.

Гамзат хорошо помнит притчу о крестьянине и его коне, убившем волка копытом. Крестьянин не стал расхваливать храброго коня, а прежде всего поблагодарил своего вола: не вспаши вол поле под овес, не отъелся бы этим овсом конь и не осилил бы, пожалуй, волка...

Гамзат хорошо понимает: не будь помощи партии и правительства, никогда бы не взойти ему на такую высоту.

Четверостишия

●

На юношу смотрю не без надежды
И говорю ему сегодня снова:
«Пусть будет нрав твой краше, чем одежды,
Дела твои — значительнее слова».

●

Страницы книг — познания истоки,
Но людям Жизнь в любые времена
Преподавала главные уроки,
Учительница лучшая — она.

●

Дело делай свое, как всегда, ты
И спокойствие в жизни храни,
Чем бы ни были ночи чреваты,
Чем чреваты бы ни были дни.

●

●

Считалось встарь: нет краше смерти,
Чем за отчизну умереть,
И вы мне, юноши, поверьте,
Что так считаться будет впредь.

●

Всех длиннее у того дорога,
Кто в наплывах солнца и тумана,
Вдалеке от отчего порога
Ищет человека без изъяна.

●

Крупица воска встретится в меду
И волосок в овечьем сыре.
Что делать? К моему стыду,
И я не совершенен в мире.

●

●

Отца главнее в доме нет души,
В семье слывет он «первым барабанщиком»,
Под музыку его, сынок, пляши,
Будь хоть министром, хоть простым чеканщиком.

●

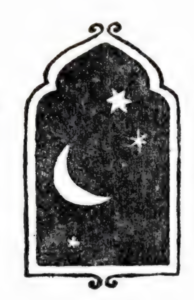
Поступка недостойного следы
Не смыть слезами собственной беды,
Лишь только наши честные поступки
Даруют миру добрые плоды.

●

Мысль за собой вести на поводу
Обязаны слова в любую пору,
Они, зубов перелетев гряду,
Перелетают каменную гору.

●

●

Не ведают о том, как ночь длинна,
Глаза, которым сладок сон.
И звезды на небе во время сна
Лишь тот считает, кто влюблен.

●

Благоразумье продлевает годы
И возвышает в жизни нас весьма,
А всякое затмение ума
Преумножает слезы и невзгоды.

●

Прямое слово стоит многих фраз
И действеннее многих заклинаний.
Короткий уважительный отказ
Честней невыполнимых обещаний.

●

●

У нас характер, словно у пророков,
Не видим часто собственных пороков;
Когда бы замечать их научились,
В наш адрес меньше было бы упреков.

●

Воистину тот славен и велик,
Кто победил во гневе свой язык.
И тот, кто самого себя сильнее,
Воистину сильнейший из владык.

●

Известно, что дурная голова
Напрасно ноги целый день тревожит,
Предпочитает действию слова
И ложь от правды отличить не может.

●

●

Человека скромного заметили,
Честь к нему направила стопы.
Ничего нас так, как добродетели,
Выделить не может из толпы.

●

Быть стерегись натурой хрупкой,
Ее сломать один пустяк,
Быть стерегись и мягкой губкой,
Ее способен выжать всяк.

●

Себя не уважает тот,
Кто в понедельник, вторник, среду
Без приглашенья, словно кот,
К чужому явится обеду.

●

●

Проси, коль надо, но без лести,
Когда ты сам себе не враг.
И никогда ценою чести
Не обретай житейских благ.

●

Ты сделать важный шаг решил, не так ли?
Но прежде глянь, куда ступить ногой.
И раньше, чем воздвигнуть стены сакли,
Ты приглядись к соседям, дорогой.

●

Не плачь, когда тебе не грустно,
Не смейся, если не смешно.
Не льсти ни письменно, ни устно:
Всем не потрафишь все равно.

●

●

Хоть похвалы достоин ты вполне,
Остерегайся самовосхваленья,
Все эти «Я», «Моими», «Обо мне» —
Опасные в речах местоименья.

●

По виду мышц оцениваем разом
Двужильного коня или вола,
А сила человека — это разум,
Способный отличать добро от зла.

●

Сплетни, как собаки без ошейников,
Не якшайся с ними, милый друг.
И держись подальше от мошенников,
Дело предстоит или досуг.

●

●

Парень, честь не проворонь:
Честь — великая заслуга.
Тот, кто честен, тот в огонь
Лихо кинется за друга.

●

Доброе имя дороже всего,
Друга верней не дано никому.
Годы бессильны состарить его,
Память о нас завещаем ему.

●

Тому друзей иметь не сложно,
Кто от рождения не глуп,
Чье слово каждое — надежно,
Взгляд ясен и карман не скуп.

●

●

Такого друга заведи,
Чтоб в левой стороне груди
Хранил бы верность этот человек,
Став правою рукой твоей навек.

●

Тот, кто коварен был, как змей,
Решил поссорить двух друзей,
Но разума хватило у двоих
Схватить за горло ссорившего их.

●

Наступит сплетня нам на пятки,
И с кем-то дружбу рвем мы вдруг,
Забыв, что и хороший друг
Порой имеет недостатки.

●

●

Быть другом всех не велика заслуга,
И если чести верный ты слуга,
То недруга не сделаешь из друга
И не обнимешь дружески врага.

●

Врагу не верьте вы до самой смерти,
Маскировать умеет он коварство.
Пред тем как пить лекарство, вы проверьте,
Какое принимаете лекарство.

●

Не могут быть символом дружеских уз
Шашлычное братство и винный союз.
Медовое слово сказать на пиру
Способен и тот, кто не склонен к добру.

●

Пред пламенем родного очага
Еще мой дед говаривал, бывало:
— С лихвой хватает одного врага,
А ста друзей, как ни крутись, все мало.

Знает каждый истинный мужчина
На сто верст вокруг:
Хороша двуглавая вершина,
Плох — двуликий друг.

Бездушный посочувствует едва ли,
Какие б кошки ни скреблись в груди,
Бездушному не открывай печали
И помощи от недруга не жди.

●

Не закрывай по воле злого норова
Ворот, которых не раскрыть опять,
И не завязывай узла, которого
Не сможешь и зубами развязать.

●

Быть славным малым не мала заслуга,
Такому себялюбцем не прослыть,
И потому способен он за друга
Отчаянную голову сложить.

●

Размолвки до вражды не доводи,
Обидчивость — дурная привереда.
При встрече словом «Здравствуй» устыди
Непоздоровавшегося соседа.

●

●

Не наноси товарищу вреда,
Не ставь ему подножку никогда,
Кто друга предает тщеславья ради,
Тот сокращает сам свои года.

●

Единомышленник не тот,
Кто мысли у тебя крадет
И, не имея собственных достоинств,
Пускает эти мысли в оборот.

●

«Не спорь с невеждой» — этому совету
Ты следуй, друг, в любые времена.
В никчемный спор кидаться смысла нету:
В нем истина не будет рождена.

●

●

Достаточно и малого словца,
Чтоб страсти грозным вспыхнули пожаром,
И одного хватает подлеца,
Чтоб жизнь для многих сделалась кошмаром.

●

Войдя в родимое жилье,
Забудь условности, кунак!
Спина зачешется — ее
Чеши хоть о дверной косяк.

●

Кто их не видел — возносить охочих
Себя не по заслугам и уму?
Быть самым низким суждено тому,
Кто мнит в душе, что он превыше прочих.

●

●

Бесстрашие и мудрость — эти свойства
В час испытаний — меч наш и кольчуга,
А трусость и ослиное геройство —
Предательства, достойные друг друга.

●

Постучится к сопернику горе —
Не злорадствуй с врагом заодно,
Знай: коварно житейское море,
Переменчиво слишком оно.

●

Не угрожай: «Вот покажу я вам!»
А вдруг не сможешь выполнить угрозы,
А тех, кому ты напророчил слезы,
Ждет в честь паденья твоего — байрам!

●

●

Схожи слава и тень неизменностью нрава:
За достойным, как тень, ходит слава вослед,
И бежит от ловца настоящая слава,
Как за тенью, за славой гоняться не след.

●

Не стремись над людьми возвышаться,
Обречен, по признанью молвы,
С высоты недостойный сорваться
И остаться без головы.

●

Ты слов пустых не говори,
Они одно и то же.
Что и бараньи пузыри, —
Цена их не дороже.

●

●

Ругать пред чужими родню —
Нет в этом ни прока, ни чести.
Как ты ни тряси пятерню,
Останутся пальцы на месте.

●

Не предавайся сладким грезам,
А то ты станешь их рабом.
Противоборствуй лучше грозам
В своем стремлении любом.

●

«В спор не встревай, — мне мудрость говорит, —
Коль спора не ясна тебе основа».
Кто справедливым словом дорожит,
Тот не опровергает это слово.

●

●

В драку кинуться не мудрено,
Но еще до начала атаки
Не мешает продумать одно:
Вылезать как ты будешь из драки?

●

Так говорится в наших местах:
— Храни свою тайну в своих устах,
А станешь хранить не в своих устах,
Сороки ее разнесут на хвостах.

●

Словом стреляй осмотрительней в споре,
Не забывай, дорогой человек:
Рана от пули — затянется вскоре,
Рана от слова — пылает весь век.

●

•

С тех пор как род людской возник,
Он неспроста считать привык,
Что вправе змеи, а не люди
Иметь раздвоенный язык.

•

Мы все одноязыки, что не ново,
Но по два уха каждому дано
Лишь для того, чтоб, выслушав два слова,
В ответ произносили мы одно.

•

Опасней пули в наши времена
Слывет обида не без основания,
Простреливает сердце нам она
Без промаха с любого расстояния.

•

●

Ума палата — выше всех палат,
К ней за советом обращайся, брат,
И правду отличишь ты от неправды,
И будешь знать, кто прав, кто виноват.

●

Если бы мог, то на каменных скатах
Высек бы я кубачинским ножом:
В тайне от улиц держи языкатых
Все, что увидишь ты в доме чужом.

●

Пусть рассказчик рассказ свой ведет,
Не спеши перебить, дурачина.
За кувшин отвечает лишь тот,
Чья рука держит ручку кувшина.

●

●

Не забывай, на обещанье скорый,
Что яловое слово не в чести,
И не бери той тяжести, которой
Тебе и трех шагов не пронести.

●

Не радуйся, когда превознесут
Все то в тебе, чем ты не обладаешь,
И не сердись, когда ругать начнут
Все то в тебе, что сам не замечаешь.

●

Я знаю: покупатели с базаров
Домой товаров не везут гнилых.
На мельнице наслышавшись хабаров,
Не разноси по белу свету их.

●

●

Душевное слово всегда удивительно;
В том его сила и главная суть,
Что душу другого оно доверительно
Может почтительно вмиг распахнуть.

●

На рынках закон существует издревле:
Чем больше товара — тем стоит дешевле.
Товар и талант меж собою не схожи,
Таланта чем больше, тем стоит дороже.

●

Секретничать в компании негоже:
Ведь тайное шушуканье двоих
Со стороны на заговор похоже
И вправе настораживать других.

●

●

Имей, мой друг, ума хоть целый клад,
Ты стерегись пренебрегать советом
И знай, что слово перед белым светом
Нельзя, как пулю, повернуть назад.

●

Добропорядочность — твой клад.
Чем больше, не иначе,
Его раздать сумеешь, брат,
Тем станешь ты богаче.

●

Всему своя мера. И должен, к примеру,
Ты чувствовать гнева границу и меру;
Но если покаялся битый в грехах,
Ты гнев свой на милость смени, как аллах.

●

●

Оказывая помощь — не хвались
И не стремись о ней напомнить другу,
Но забывать при этом стерегись
Оказанную им тебе услугу.

●

В домах, чьи стены из самана,
И всюду под шатром небес
Делись излишеством кармана,
А не излишеством словес.

●

Отправившись из дома в дальний путь,
Ты о семье и детях не забудь
И привези с собой по возвращенье
Хоть камушек им в дар какой-нибудь.

●

●

Слыть хочешь щедрым, не роняя марки,
Ну что ж, слыви и обретай почет,
Но только делай щедрые подарки
При всем при том не за казенный счет.

●

Ешь, не перегружая живота,
Ремня не распускай пред бурдюками:
К лицу всегда одежда больше та,
Что ткется не зубами, а руками.

●

Очень скоро дурная привычка
Дорастет до большого греха.
Вор, укравший сегодня яичко,
Через день украдет петуха.

●

●

Бездельником не будь и знай одно:
Что в жизни тот лишь, кто трудиться будет,
И виноград добудет и руно,
И хлеб и розы для себя добудет.

●

Кто, чуть свет под сполохом багряным
Просыпаясь, глаз не трет спросонок,
У того овцой, а не бараном
Будет народившийся ягненок.

●

Ты расточительным не будь,
Ведь щедрости не в этом суть,
И жадностью не отличайся,
Чтоб гость в твой дом запомнил путь.

●

●

Не собирай богатства про запас,
Богатство — это нынешний наш час,
Все то, чем обладаешь ты сегодня,
Накопленных богатств ценней в сто раз.

●

Бывают в жизни чудеса,
Иной известен хваткой
Стращать лепешкой хлебной пса,
А взяточника — взяткой.

●

Если то, о чем тебе известно,
Ты второй иль третий слышишь раз,
Не ропщи: «Мол, мне не интересно»,
Повторенье образует нас.

●

●

Погрязшему в самом себе
Близки лишь собственные нужды,
А мысли о чужой судьбе
Ему и тягостны и чужды.

●

Лишь у того казна богата,
Кто не разменивал добро,
Но не всегда молчанье — злато,
А не молчанье — серебро.

●

Деньги, по мненью аульского люда,
Трудится честно который всегда,
Если пришли неизвестно откуда,
Вскоре уйдут неизвестно куда.

●

●

Душевной сути и уму
Характер наших слов подобен,
И первый враг язык тому,
Кто нищ умом и сердцем злобен.

●

Коль нрав чужой себе присвоишь ты,
Что подостойней собственного будет,
Тебя никто за это не осудит,
Лишь был бы он исполнен доброты.

●

Живи, на чужое не зарясь,
Судьбы не темни небеса
И помни, что черная зависть
Опаснее черного пса.

●

●

Если бедность выводит на свет
Все изъяны в душе человека,
То серебряным звоном монет
Их богатство скрывает от века.

●

Кони кривды — хромоноги,
Седоков их ждет беда,
На обмане, на подлоге
Не ускачешь никуда.

●

Учили деды в старину:
— Ты не поддакивай вруну,
А иначе тебе придется
С ним разделить его вину.

●

Стихотворения

Басни

КНИГА

Ты с книгою дружи, чьи щедрые листы
Ждут взгляда твоего. Она всегда верна.
Пусть ты богат, как хан, пусть
без копейки ты, —
Не станет изменять, не подведет она.

Прилежнее склонись челом к страницам книг,
Где каждая строка мед мудрости таит.
Будь жаден к знаньям, сын!
Знай: ты не все постиг, —
Лишь черпая из них, твой разум будет сыт.

Оружье это ты не выпускай из рук.
Брани его иль нет, — надежен друг такой.
В обиде на тебя не будет этот друг,
Хоть бросишь ты его, в сердцах махнув рукой.

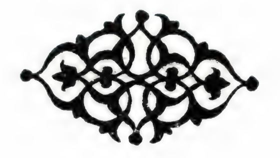
Будь знанья кунаком[1]. Богат его очаг,
Щедры его дары, густы его сады.
А ты — желанный гость в цветущих тех садах.
Иди и собирай румяные плоды.

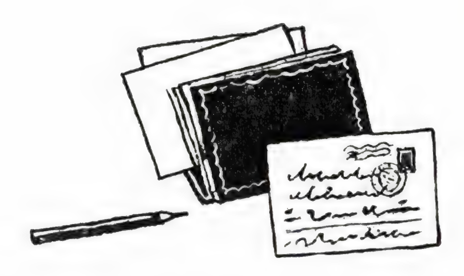
Ты книге поверяй свои мечты и жизнь.
Знай: в сердце, не спросясь, врывается поэт.
Ты всем, что на душе, с поэзией делись:
В ее улыбке ты на все найдешь ответ.

---

[1] Куна́к — друг.

1940

ОТВЕТ МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Задумался о жизни я, и снова
В раздумье время ворвалось само,
Когда от стихотворца молодого
Мне заказное подали письмо.

Я стал читать. Походный — не парадный
Передо мною строй стихов возник.
И запах одаренности отрадной
Мой старый нюх почуял в тот же миг.

И в сердце мне вошли без проволочки,
На доступ пропусков не предъявив,
Чеканные, отточенные строчки.
В себе печаль и радость воплотив.

О юноша, сумевший вызвать смело
К стихам своим живейший интерес,
Мое перо состарилось, как тело,
Его ты зря возносишь до небес.

Не воздавай почета мне, не надо,
Я о былом, о прошлом вел рассказ.
И нынче дар мой гаснет, как лампада,
В которой масла кончился запас.

Хозяин оскудевшего амбара,
Я на хромом уже плетусь коне,
А твой — горяч, он моему — не пара,
Скачи вперед и не завидуй мне.

Дерзай, покуда над порогом сакли
Гнездиться голубь получил права,
Спеши, покуда силы не иссякли
И не сидит на темени сова.

Не относись ко времени беспечно
И не ленись работать до утра.
Знай: мыслей острота недолговечна,
Как острота и самого пера.

Я проложил в горах свою дорожку
И дорогую кладь по ней готов
Еще тянуть, хоть ставят мне подножку
Все шесть десятков прожитых годов.

Водой студеной горного колодца
Лечил свои недуги я досель.
Чем жизнь вперед стремительней несется,
Тем мне страшней становится постель.

1937

ПУШКИНУ

Певец, народа собеседник,
Не бережет своих щедрот,
И потому-то весь народ —
Его единственный наследник.

Проходят зимы, вёсны, лета,
Тускнеют золото и медь, —
Вам только не дано тускнеть,
Дары могучего поэта.

Я слово правды не нарушу,
Когда скажу тебе, поэт:
Как в очи входит солнца свет,
Твой чистый голос входит в душу.

Как мне отрадно, что аварец
Твоим пленяется стихом!
Джигит находит мудрость в нем
И юность обретает старец.

Мне хочется сказать спасибо
Тебе, поэзии титан,
Чей свет горит и для крестьян
Высокогорного Гуниба.

Я вижу, как в библиотеке
Детишек очередь растет,
И просят все наперечет
Стихи, зажженные навеки.

Родится сын в семействе горца —
Родителям мы говорим:
«Да будет Пушкиным вторым,
Да блещет даром стихотворца!»

В Москве на памятник всегда я
Смотрю: исполнен ты забот,
Ты устремляешься вперед,
Как бы в грядущее шагая.

Задумчив облик величавый,
И люди смотрят на тебя,
Благоговея и любя,
Гордясь твоей бессмертной славой.

У памятника дорогого
И я, взволнованный, стою,
И я тебе передаю
В горах взлелеянное слово:

«России светоч и отрада!
Сыны Кавказа тем горды,
Что им дано вкушать плоды
Густого пушкинского сада.

Тобой посеянные зерна
Приют нашли в сердцах людских,
И вечен твой могучий стих —
Твой памятник нерукотворный».

1949

ПОЭТУ МАХМУДУ

В нем сто домов, в ауле Кахаб-Росо.
Меня к себе влечет он вновь и вновь.
Здесь вырос ты, певец сладкоголосый,
Здесь, в сакле, началась твоя любовь.

Голубка села только что на крышу.
Еще в тени крыльцо твоей Муи.
Здесь ты мечтал. Мне кажется, я слышу:
Звенят напевы страстные твои.

Здесь ты стоял, а полдень был дождливый.
Муи косила сено в забытьи.
Ты в хижину ее вступил, счастливый:
Мол, я промок, нельзя ли мне войти?

А по ночам по крышам с пандурою,
Как джинн, бродил ты, не боясь упасть.
Порой голубке, голубю порою
Ты изливал тоскующую страсть.

О если, с пандуры сорвав оковы,
С горящих уст — прошедшего печать,
Ты ожил бы, и в день свободный, новый
Свою любовь ты мог бы воспевать!

Ты плакал о цветке недостижимом,
А мы тебе вручали б тот цветок.
Твои глаза, что застилались дымом,
Увидели бы времени поток.

На письменах поэзии народной
Ты, горец, вывел золотой узор.
Ты держишь знамя песни благородной,
Возлюбленный Муи, любимец гор.

Еще о славном мастере в печали
И в трауре аварское перо.
Еще слова любви не зазвучали,
Как у тебя, так нежно и остро.

Ты мост любви построил для народа,
Для юношей воздвиг любви дворец,
А сам скитался ты без права входа,
Гонимый и страдающий певец.

Стальное сердце было у подруги:
Его не сжег огонь любви твоей.
Как удержался тонкий стан упругий
Пред мощной бурею твоих страстей?

Ты стрелами пронзаешь наши души:
Как мягок взлет, а попадает в цель!
Вошли твои слова в сердца и в уши, —
Не знали горы строк таких досель.

Ушел певец, оставив виноградник.
Твой сад — в цвету, твои плоды — в чести:
Пусть начинающий поэт, как всадник,
Помчится к ним, чтоб ветви потрясти!

1949

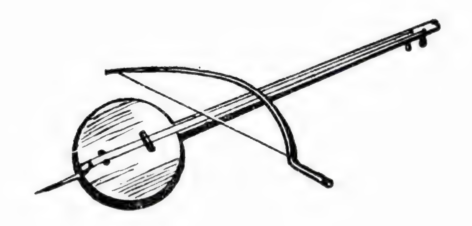

НА МОГИЛЕ КОСТЫ ХЕТАГУРОВА

Скольких никчемных вскормила земля!
Сколько полезных она поглотила!
Встарь дармоедам дарила поля,
Славным любимцам народа — могилы.

В злую годину ушел ты от нас.
Но над могилой мы плакать не будем:
С нами Коста.
Он живет и сейчас.
Добрые песни оставил он людям.

1938

ПАМЯТИ СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО

1

Как будто гром над нами прогремел,
И у меня открылась в сердце рана, —
Нет, не Ашага-Сталь осиротел,
Осиротели все аулы Дагестана.

Когда падет боец, другой боец
Встает на место павшего героя, —
Но кто заменит нам тебя, певец?
Кто голосом твоим заговорит со мною?

2

Каким бы ясным ни был мысли ход,
Какие б ни возникли в сердце звуки,
Поэт берет перо, бумагу в руки,
И песнь из-под пера его течет.

А Сулейман к бумаге не привык,
В сердцах людей свою он черпал силу.
Ему пером был собственный язык,
И кровь ему чернилами служила.

Неграмотен он был, старик седой
(Что делать, бедняки учились мало!), —
Неграмотность была его бедой,
Но и она его бессмертьем стала.

1937

ШАМИЛЬ

В храбреца, чей подвиг смелый
Карлом Марксом оценен,
С бранным визгом мечет стрелы
Тот, кто разума лишен.

На борца, что соколиной
Был отвагой знаменит,
Замахнулся вдруг дубиной
Потерявший честь и стыд.

Кто осудит ратоборца,
Чья прославилась борьба
Потому, что сердце горца
Сердцем не было раба?

Кто осудит человека,
Что в горах гремел, как гром,
Что сражался четверть века
С притеснителем-царем?

Значит, царь в года былые
Прав был, а Шамиль не прав?
Почему ж народ России
Сверг царя, престол поправ?

Выдумки пустые эти
Отвергает вся земля:
В наших саклях даже дети
Знают имя Шамиля!

Мчался он ущельем узким
Иль заоблачной тропой, —
Знайте: не с народом русским,
А с царем вступил он в бой.

Горцев доблестных возглавив,
Он в сраженье их повел.
Крылья мощные расправив,
Воевал он, как орел.

1945

АПРЕЛЬ

Апрель, будь счастлив — и прощай,
Не вздумай возвратиться.
Тебе идет на смену май,
Ты должен торопиться.

Нам скучно с месяцем таким,
Нам нужен день погожий.
Мы больше видеть не хотим
Твоей постылой рожи.

Приходит май, звенит свирель,
А твой обман мы знаем.
Какая разница, апрель,
Между тобой и маем!

Ты прячешь горные луга
Под простыней тумана,
Ты сыплешь на траву снега
И дуешь непрестанно.

Примчится май — и улетят
Испуганные тучи.
Цветов прольется аромат
Весенний и пахучий.

Я май люблю, седой поэт,
Я ненавижу холод.
Народа я люблю расцвет,
Я в мае снова молод.

Людей советских я люблю
И в праздник лучезарный
Им новые стихи пришлю,
Народу благодарный.

1950

В МОСКВУ, ТОВАРИЩУ

С тобой мы распрощались не без боли,
Пожали руки крепко, а потом
Я сердце, по рассеянности, что ли,
Оставил в шумном городе твоем.

Как будто годы, тянутся недели.
Шумят в ущельях реки на бегу.
Живу в Хунзахе. Думаю о деле,
Но, веришь ли, работать не могу.

Сажусь писать — напрасное занятье,
Стих холоден, как звезды в синеве.
Как буду в исполкоме заседать я,
Когда оставил сердце я в Москве?

Я занят, друг. Не смог бы мне помочь ты
В посылке сердце переслать сюда?
Дня через три его с ближайшей почты
Мне почтальон доставит без труда.

1934

СТАРОСТЬ — МОЛОДОСТЬ

Я старости не покорюсь
И не склонюсь пред нею.
И чем я старше становлюсь,
Тем жить хочу сильнее.

Друзья, я много перенес,
Глаза мои слабеют,
И островок седых волос
Средь лысины белеет.

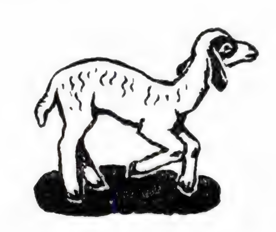
Пусть бьется сердце у меня
Не в такт шагам тяжелым —
Немало в нем еще огня,
Немало струн веселых.

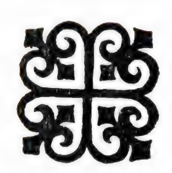
И пусть проходят годы, пусть, —
Я жизнь недаром прожил.
И чем я старше становлюсь,
Тем становлюсь моложе.

Меня не одолеет грусть
И не смутит тревога...
Я злюсь,
        тружусь,
                я веселюсь,
И молод я, ей-богу.

Вы не смотрите, что я сед.
Совсем не в этом дело:
Ягненку, может, года нет,
А он бывает белым.

1947

О ДРУЖБЕ С ОГЛЯДКОЙ

Разве на свете нет верности, дружбы?
Кто их саманом зажженным зовет?
Разве зависит от чина и службы
Людям оказываемый почет?

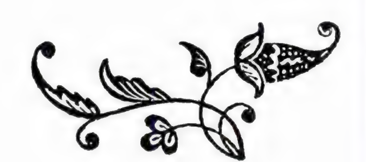
Если посмотришь на друга иного —
Голос не тот, и осанка, и рост.
Сердце его распластаться готово
Перед занявшим ответственный пост.

Тот, кто знакомством со мною гордился,
Ныне ко мне обернулся хвостом;
Тот, с кем вчера я совместно трудился,
Ныне меня замечает с трудом;

Тот, кто папаху снимал предо мною,
Даже когда меня видел во сне, —
Тот наяву почему-то спиною
Вдруг поворачивается ко мне.

Я не сворачивал влево иль вправо, —
Где же товарищеская рука?
Ленинский путь — моя жизнь, моя слава,
Можно ль глядеть на меня свысока?

1936

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Дедушка — первой внучке)

Внучка в наш явилась дом.
Краше внучки не найти.
Как девчонку назовем?
Может, попросту Пати?

Заведется у отца
Лишних несколько рублей, —
Он подарков без конца
Дочке навезет своей.

Купит он тебе платок
Да коралловый виток,
Чтоб у колыбели
Бусинки блестели.

И браслетку и кольцо
На тебя наденет мать.
Выйдешь с мамой на крыльцо,
В садик с ней пойдешь гулять.

Шелковиночки волос
Мама гребнем разберет.
Нашей пташке между кос
Птичье перышко вплетет.

Папа дочке приберег
Пару золотых серег.
Люди сразу отличат:
«Вон гуляет Патимат».

Папа станет целовать:
«Спи, дочурка, засыпай».
Молочком покормит мать,
Будет петь тебе «бай-бай».

**Манит бабушка: «Иди
На руки ко мне, мой свет!»
«Поиграй со мной, Пати!» —
Просит внучку старый дед.**

**Будешь новой жизнью жить.
В школу ты начнешь ходить,
Побежишь вприпрыжку,
Книжку взяв под мышку.**

1941

ЖИЗНЬ И РОДИНА

— Отец мой, в лихую годину войны,
Сражаясь за счастье родимой страны,
Ты жизнь за нее положил бы в бою?
Честь воина ты сохранил бы свою?

— Мой сын, я — старик и в могилу гляжу.
За родину жизни я не пощажу.
Забота моя о своей ли судьбе?
Ты — молод. Все мысли мои о тебе.

— Отец мой, беречь я себя не могу:
Отчизны вовек не отдам я врагу.
Без родины — жизни цена какова?
Без чести — что стоит моя голова?

— Мой сын, у тебя молодая жена,
Свой род для тебя позабыла она,
А ты покидаешь родимый Хунзах,
Жену и детей оставляя в слезах.

— Отец, я покину свой дом и семью,
Но родину я от врагов отстою.
Я должен оставить жену и детей
И стать на защиту отчизны своей.

— Ужель тебе матери, сын мой, не жаль?
Ее раньше срока состарит печаль.
В разлуке с тобой не прожить мне и дня.
Неужто уедешь, мой сын, от меня?

— Любимый отец мой, родимая мать!
Мне горько и горестно вас покидать.
Но знайте: вовек не удержат бойца
Ни матери слезы, ни горе отца.

Отчизна счастливою жизнью живет.
Предавший отчизну — себя предает.
Смерть нас отыщет в дому и в бою.
Отчизну в беде не оставлю свою.

Отец мой, врагу я тебя не предам.
Быть может, в сраженье погибну я сам,
Но не опозорю твою седину,
Тебе не придется томиться в плену...

Отец был растроган ответом Али,
И слезы из глаз у отца потекли.
— За счастье и славу родимой земли
Ступай и сражайся, любимый Али!..

1941

ЗА МОСКВУ!

Едва лишь по стране промчалась весть,
Что враг к Москве приблизился вплотную,
Советские народы, как один,
Скалою встали за Москву родную.

Мужчины, женщины — и млад и стар —
Все поднялись, услышав клич тревоги.
Шли пеший, конный дать врагу отпор,
Со всех концов стремясь к одной дороге.

Шли, как поток могучий, как потоп, —
Всех ветер гнева на дорогу вынес:
Киргиз, казах, таджик, туркмен, узбек
Шли, боевым оружьем ощетинясь.

Кавказ всю силу выставил свою:
Искусный в сече шел азербайджанец,
Грузин и армянин в атаку шли
И ты, железный конник дагестанец.

С единым кличем: «За Москву! Вперед!
За Родину! Погибель вражьим сворам!»
И враг отведал наш кулак стальной —
И от Москвы отброшен был с позором.

1941

МАЛЕНЬКОЙ ПАТИ

Прошу тебя, внучка,
Ты деда прости,
С недоброю вестью
Я прибыл, Пати.

Из области дальней
Вернулся в наш дом
Я с вестью печальной
О папе твоем.

Мечтал он, желанья
Свои торопя,
Хоть краешком глаза
Увидеть тебя.

Писал он:
«Утешьте
Дочурку Пати.
Ей-богу, как прежде,
Здоров я почти».

Семью успокоить
Хотел,
а меж тем
Пришла телеграмма,
Что плох он совсем.

Я в поезде мчался,
Добрался в два дня,
Но он не дождался
В санбате меня.

В походной шинели,
С морщиной на лбу,
Под белым халатом
Лежал он в гробу.

Вблизи Балашова,
Где жертвы войны
Смотрели сурово
Посмертные сны,

Остался отец твой
Лежать недвижим,
С лицом, обращенным
К нагорьям родным.

Согласно закону,
Что принят в горах,
Встал камень граненый
В его головах.

Сокровище бабушки,
Свет моих глаз —
Он умер, отец твой,
Покинул всех нас.

1943

РАЗГОВОР СО СТАРОСТЬЮ

Ты сгибаешь слишком смело
Спину мне. Скажи в глаза:
Может, хочешь обод сделать
Из нее для колеса?

Раньше мог я без печали
День-деньской бродить в горах,
А теперь не от тебя ли
Словно путы на ногах?

Ты в мой рот залезла грубо,
И, здоровью вопреки,
В нем качаться стали зубы,
Как на речке поплавки.

Для чего ты сушишь тело?
Не урюк я, не кизил.
Или хочешь струны сделать
Из моих воловьих жил?

Убери-ка с глаз скорее
Руки, дурья голова!
Просыпаясь, на заре я
Плохо вижу, как сова.

Что ты делаешь, старуха?
По твоей, карга, вине
Я почти лишился слуха:
Ты заткнула уши мне.

Заболел недавно вновь я —
Врач узрел твои черты:
Как напильником, здоровье
Подточить сумела ты.

У меня морщин на коже
Больше, чем в горах дорог.
Ты на гостью не похожа:
Та «прощай» — и за порог.

Как унять твое коварство,
Злобный нрав твой истребя?
О, когда бы мог лекарство
Раздобыть я от тебя!

Не сидел бы, пригорюнясь,
Я, как беркут, среди скал,
А свою былую юность
Крепко к сердцу бы прижал.

С нею, сильной и крылатой,
Не боялся б ничего...
Враг не мог сразить Гамзата.
Старость, ты страшней его.

1948

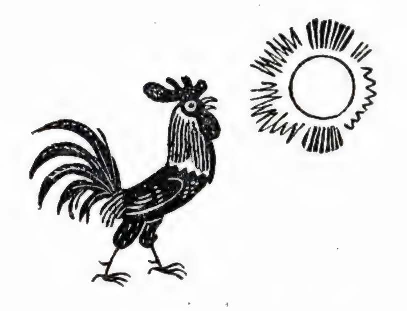
* * *

Салам алейкум, Муртаза-Али!
Ты просишь песню о любви. Что дать мне?
Я слаб и стар, дни юности прошли,
А в старости как о любви писать мне?

Той песни погребальной лучше нет,
Что, над покойным плача, мать пропела.
Любовь подскажет все, чего поэт
Уже в душе не сыщет охладелой.

Но если сердцу девушки не мил,
Ей люб другой, и ждет она другого, —
Какие б песни ей ни посвятил,
Любви твоей тогда бессильно слово!

1950

* * *

В наших сутках есть ларцы,
Их всего двадцать четыре,
Собираются туда
Нашей совести созданья.

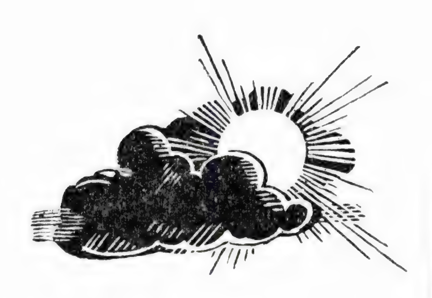
В полночь ясную, когда
Тишина в подлунном мире,
Отопри их и взгляни,
Каковы твои деянья.

Сколько там никчемных дел,
Сколько важных, настоящих,
Сколько добрых и дурных,
Сколько тусклых и блестящих?

Заслужил ты похвалу
Иль достоин укоризны?
Сколько сделано тобой
Для народа, для отчизны?

1949

О САМОУБИЙСТВЕ

Приходит вечер, день уходит вдаль,
А там и ночь, и все теченье суток.
За радостью порой спешит печаль,
И между ними малый промежуток.

Идут за днями дни, за годом год,
Сойдет зима, весна летит беспечно.
И нет таких забот, таких невзгод,
Которые б существовали вечно.

В одном краю и дождь идет и снег,
Заходит солнце и восходит вскоре,
И перед тем, чье имя Человек,
Жизнь чередует радости и горе.

Порою нас одолевает грусть,
Но не мужское дело страх и слезы.
Да будет сильным дух, а тело пусть
Болит и ноет от любой занозы.

И мы не можем дать себя сломать.
Кто б ни был наших горестей виновник,
Нелепо самого себя карать,
Как будто сам себе ты враг и кровник.

Послушайте, вам говорит старик,
Видавший радости и горе тоже:
«И горе — жизнь, а жизни краткий миг
Любых богатств и золота дороже!»

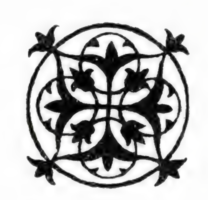
Безумие спешить в туманный путь,
Отдав непрожитые дни и ночи,
Которых никогда уж не вернуть,
Хоть весь народ, прося, проплачет очи.

От горя ты сбежишь туда, где тишь,
А горе может мнимым быть и хрупким,
А сколько горя сам ты причинишь
Отцу и матери своим поступком.

Тот бой, где нет врага, — нелепый бой.
В нем не нужны ни доблесть, ни уменье.
Самоубийство — бой с самим собой,
Бой, где исход известен — пораженье.

Уйти с пути легко. Такой уход
Ни для кого не чудо и не новость.
Но жизнь народу посвящает тот,
В ком честь жива, в ком не уснула
совесть.

1947

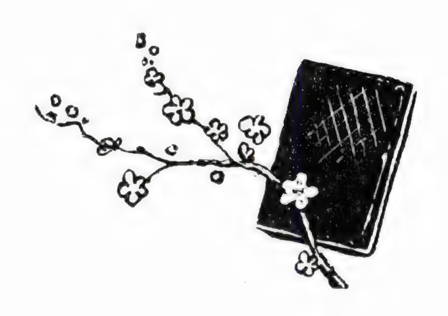

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ВЕЧЕРЕ...

Конь ударом копыта матерого волка убил,
Но крестьянин быку благодарность за это
принес:
«Это — подвиг овса, что коня богатырски
вскормил.
Ну, а кто, как не бык, наше поле вспахал
под овес?»
Если б мудрость народная не накормила
певца,
То Гамзат в этом кресле не встретил бы
свой юбилей.
Мало слов у меня, чтобы выразить всю
до конца
Благодарность сердечную
власти Советской моей!

1944. Махачкала

ИЗ БЛОКНОТА

ЖИЗНЬ

Не ценящий меня, пока не поздно,
Потом, став на колени, молит слезно.
А кто со мной простится раз — потом
Пути обратно не найдет в мой дом.

ВРЕМЯ

Достойно дни учения цени, —
Не серебром окупятся они.
Не трать напрасно времени избытка:
Миг — драгоценней золотого слитка.

ТРУД

Тому, чья летом не кипит башка,
Зимою нет вскипевшего горшка,
И кто не нажил на руках мозоли,
В рот не возьмет и крошки хлеба-соли.

ВЕСНА

Весна халат зеленый свой надела —
И сразу изошла зима слезами.
Ворота распахнув, тепло влетело,
А горы бурки снега сняли сами.

О БАСНЕ

Хоть бессловесны звери все и птицы
И нам лишь человек в пример годится,
Но правды смысл и в птичьей речи ясен:
Ты истину учись черпать из басен.

К БЛОКНОТУ

Как хорошо, что ты со мной, блокнот!
Чтоб радости, сомнения, тревоги
Я поверял тебе, чуть мысль мелькнет, —
Не то давно бы протянул я ноги!

1950

РАЗГОВОР МЕЖДУ КОЛХОЗНИКОМ ХОЧБАРОМ И ПРЕДСЕЛЬСОВЕТА АЛИ

Хочбар

Эй, Али, ты нелюдим,
Целый день ты бродишь где-то!
Погоди, поговорим,
Председатель сельсовета!
Вот о школе. Ты, Али,
Расскажи, хочу узнать я,
Как ремонт произвели,
Начались ли там занятья?

Али

Друг Хочбар, да речь твоя
Вызывает удивленье.
Я не школьник, к школе я
Не имею отношенья.

Хочбар

Ну, скажи мне про колхоз, —
Как отары и кутаны?
Много ль зла принес мороз?
Выполняются ли планы?

Али

Я, Хочбар, не скотовод, —
Ты оставь меня в покое.
Бережет кувшин лишь тот,
Кто с ним ходит за водою.

Хочбар

Ну, тогда ты дай ответ:
В нашей бане можно ль мыться?
Расскажи, как сельсовет
Нашей помогал больнице.

А л и

Есть ли в нашей бане пар,
Как больница, как аптека, —
Ты других спроси, Хочбар,
Я не банщик и не лекарь.

Х о ч б а р

Много ли у вас, Али,
В сельсовете депутатов,
Сколько сессий провели,
Каковы их результаты?

А л и

Я, Хочбар, не счетовод,
Цифры назову едва ли,
Но за подотчетный год
Много раз мы заседали.

Х о ч б а р

Ну, а правда или нет —
Слух идет, — скажи по чести:
Кто ни входит в сельсовет,
Не найдет тебя на месте?

Али

Людям нечего сказать,
Кто все выдумал — не знаю.
Каждый день ну раз по пять
В сельсовет я забегаю.

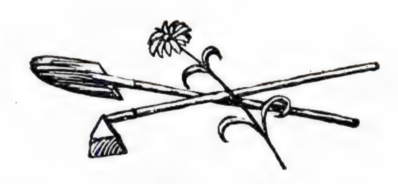
. . . .

Гамзат

Я не стану говорить,
Долго ль шла беседа эта,
Но Али недолго быть
В должности предсельсовета.

1947

ОТЕЦ И СЫН О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОРОГ

Отец

Полжизни, сынок, у гор на груди
Дороги я строил.
Ты сам посуди:
Когда б не рушил могущества скал я,
Ужели таким бы морщинистым стал я?

Юнцом еще начал я гнуть свою спину:
Дорогу мы строили царскому сыну.
Царей не осталось у нас и в помине,
И служит дорога та людям поныне.

Я саженцы в горы таскал на плечах,
Чтоб зной не тревожил сардара[1] в горах.
Давно позабыт он, правитель жестокий,
А листья деревьев шумят вдоль дороги.

---

[1] Сардáр — правитель; здесь: царский чиновник.

Когда из Хунзаха, богатств не тая,
Невесту в Гоцоб[1] отправляли князья,
Шоссе проложили мы под небосводом —
С приданым в Гоцоб заскрипели подводы.

Любила когда-то аульская знать
Богатых соседей к себе приглашать.
Чтоб было им ближе скакать на пиры,
Сносили порою мы четверть горы.

Князей имена навсегда позабыты,
А наши дороги в горах — знамениты.
Проносится время, как горные реки,
Но труд человека остался навеки.

Сын

За наши дороги в районе Гуниба
Тебе, мой отец, говорю я спасибо!

Но вспомни, отец, сомневался не ты ли,
Что смогут подняться к нам автомобили?
Смотри, как сегодня на наши вершины
Упрямо взбираются автомашины.

---

[1] Гоцо́б — аварский аул.

Где солнце терялось в скалистых отрогах,
Колонки с бензином стоят на дорогах,
Почти у орлиных заоблачных гнезд
Шоссе протянулось на тысячу верст.

Мы рек поседелых смирили стремнины,
И трудятся реки, вращая турбины.
Мы, большевики, — вдохновенные люди,
Еще и не то нами сделано будет!

1934

ВОДОПРОВОД В АУЛЕ ЦАДА

Горную воду наука в аул привела!
Радуйтесь, женщины — жены, и сестры, и дочки!
Прочь уберите веревки с кувшинов своих,
Можете выбросить даже запасные бочки.

Новый тебе открывается мир, Жавгарат!
Кран поверни — наливай себе сколько потребно!
Шумный источник поет под окном из трубы,
Спишь — и во сне этот шум тебе снится волшебный.

Видите, что может сделать простая кирка,
Если и воля и руки народа — едины.
Всем уже ясно теперь: перед силой такой
Скалы развалятся, горные рухнут вершины.

Вот, шесть десятков хозяйств мы прорыли канал,—
И ведь на пять километров его протянули!
Дикий родник, растекавшийся зря по камням,
Взятый за шиворот, служит нам верно в ауле.

Сколько невзгод приходилось терпеть без воды:
Снег собирай да вытапливай воду в морозы;
Тучка надвинулась — бочку под желоб скорей!
То вся надежда на снег, то на краткие грозы.

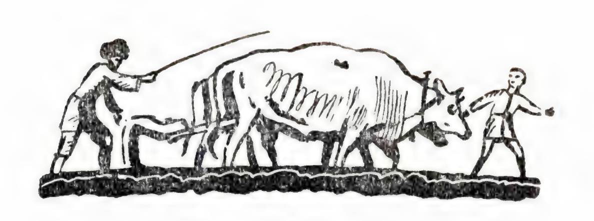
Девушек сколько калеками стало у нас:
Воду за два километра таскали в кувшинах.
Женщины наши, пожалуй, полжизни своей
Жили, согнувшись под грузом кувшинов на спинах.

В старое время кто думал о нашей нужде?
Мало ль о чем там овечка худая заблеет?
Чести и долга начальство не знало тогда:
Волк — это волк и овец никогда не жалеет.

Но когда славный Октябрь прогремел по земле,
Новая жизнь распахнула ворота народу.
Много чудес мы творить научились — и вот:
В горы по трубам в аул притянули мы воду.

1940

ЖАЛОБА СОХИ

Отошли давно назад
В жизни нашей стороны
Многие, как говорят,
Пережитки старины.

В поле, убыстряя ход,
Строем тракторы идут.
С неба самолет — и тот
Облегчает людям труд.

От арбы народ отвык, —
В горы едет грузовик.
Молотилки на гумне.
А плуги!..
Куда уж мне!

Я могла пахать, пока
Было поле бедняка,
А в колхозе ширь полей
Не для силушки моей.

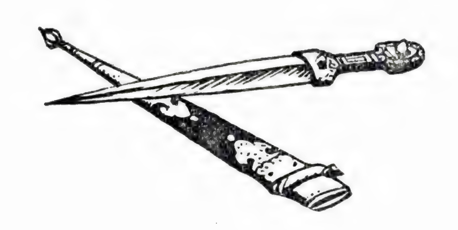
У дубовых старых сох
Дуб потрескался, засох,
Нам свой век докоротать
На задворках, по углам.
Все забыли, как нас звать,
Называют просто «хлам».

Пусть сдадут меня в музей,
Чтоб потом в музейный зал
Педагог привел детей
И меня б им показал.

О прошедших временах
Ваши дети знать должны.
Пусть останусь я
                как прах
Отошедшей старины.

1936

ОБЫЧАЙ ГИДАТЛИНЦЕВ

Я бичевал обычаи дурные,
Но до сих пор ружья не разряжал;
Я с дикостью боролся, но впервые
Для этого хватаюсь за кинжал.

В Кахибе и Хунзахе,
мне известно,
У девушек не спрашивал никто
О их желаньях.
Замуж шла невеста
Без всякого согласия на то.

Но я не помню,
                    память будоража,
Чтобы в кругу моей большой родни
У сыновей не спрашивали даже,
Кого мечтают в жены взять они.

А вот в Гидатле молодых заочно
Сосватают за выпивкой,
                              потом
В условный срок,
                    за час до тьмы полночной,
Пошлют невесту в незнакомый дом.

Она идет, она еще не знает,
Что ждет ее и что судил ей рок.
Стучится тихо и переступает
Впервые ей неведомый порог.

А в доме слышен жирной пищи запах —
Той, что готовят для духовных лиц...
И вот голубка в соколиных лапах...
Мне жаль ее, как жаль в неволе птиц.

Не мил ей муж, но разве виноват он?
Грешны в его женитьбе старики:
Он был по их обычаю сосватан,
Любви своей, быть может, вопреки.

Порой адату темному внимая,
Живут супруги долгие года,
Друг друга никогда не понимая,
В раздоре, словно пламя и вода.

1931

ПИСЬМО ИЗ ТАЛГОВ

Нам бесплатные путевки
Дали нынешней весною.
Я в Талги на отдых прибыл
С Хандулай — моей женою.

Здесь врачей немало;
каждый
Ходит с трубочкою черной,
Вежлив, ласков он с больными,
Как с гостями житель горный.

Нас обслуживает стая
Медсестер, простых и милых,
Что всегда напоминают
Мне голубок белокрылых.

Принимаю ванны, грязи, —
Нет свободной ни минутки.
И притом отменно кормят
Нас четыре раза в сутки.

Отдаленное имел я
Представление о спорте, —
А теперь волейболистом
Стал заядлым на курорте.

Привезет больных автобус —
И, поверь, свершится чудо:
Он увозит через месяц
Их здоровыми отсюда.

Вот возьми Али, к примеру:
Он приехал с костылями,
А теперь обгонит ветер,
Что несется над полями.

Привезли Бику, я помню,
В санмашине, дышит еле, —
Ревматизм водой талгинской
Смыли ей за три недели.

Москвичи сюда частенько
Прибывают на леченье, —
Наш курорт Талги имеет
Всесоюзное значенье.

1939

ЖАЛОБА МОЕЙ ЖЕНЫ

(В день моего семидесятилетия)

Иной, на службе сделавший карьеру,
Жену с детьми бросает в тот же год
И, одурев от важности не в меру,
Напудренную в дом к себе ведет.

Вы пишете в газетах о Гамзате, —
А вдруг ему хвала не по плечу?
Зазнается поэт, и в результате
Я, старая, отставку получу.

Его звезда находится в зените,
Гордится им не только вся родня;
Но как бы он прославился, скажите,
Когда бы рядом не было меня?

Когда б в Талгах тарелок я не била,
Не сочинил бы он стихов о том.
Киркой, лопатой, не жалея силы,
Я привела в порядок бедный дом.

Работать сядет — я подам бумагу,
Во всем помога мужу своему;
Он без меня не сделает и шагу.
За что такие почести ему?

Он — юбиляр. От телеграмм с утра ведь
Покоя нет, — летят к нему, спеша.
Мне лет не меньше, но меня поздравить
Не догадалась ни одна душа.

1947

МУДРЕЦ И ГЛУПЕЦ

Мудрец ругает сына своего:
— Клянусь, ты поступил не по закону.
Скажи, глупец, убил ты для чего
Случайно пролетавшую ворону?

— Слыхал я, что ворона пролететь
Решилась над Каабою[1] когда-то,
Теперь она так не поступит впредь:
За давний грех ее нашла расплата.

— Ужели это именно она
Тень на святыню бросила когда-то?
А если нет,
то, право, не должна
Нести ответ за ту, что виновата.

---

[1] Кааба́ — мусульманская святыня в Мекке.

1935

СЛОВО ОВЦЫ К ДВУНОГОМУ ВОЛКУ

Я с тобой, Али, поговорить хотела, —
Ты овцу-старуху выслушай, Али.
Я от горьких дум — ну просто очумела.
Сядь сюда... минутки две мне удели.

Чей в твоей папахе смушек серебрится?
Кто твою жену обрадовал платком?
На руках своих чьи носишь рукавицы?
Салом чьим поставил ты усы торчком?

Саклю кто ковром украсил и паласом,
Из чего костюм ты сшил на Новый год?
Кто тебя, Али, снабжает сыром, мясом,
Шерстью теплой? Разве не овца, не скот?

На тебе, Али, пальто из хрома. Щеголь!
Чей тот хром — неважно, было бы к лицу!
В мягких сапожках шагаешь — гордый гоголь!
А хоть добрым словом помянул овцу?

Осушив на свадьбе рог вина иль чачи,
Чем закусишь? Кто шашлык тебе припас?
В зимний вечер кто на противень горячий
С перчиком, с лучком кладет кольцо колбас?

Скот тебе не люб, а мясо очень любо, —
Справедливо это? Поразмысли сам:
Презирать овец, рядясь в овечью шубу!
А ведь должен быть ты верным другом нам!

Почему ж с тех пор, как выскочил ты в «шишки»,
Шею так твою раздуло? Вот вопрос!
Дефицит в колхозе, у тебя — излишки:
Потому, Али, ты салом так оброс!

Эй, Али! Ведь ты — доверенный народа,
Как же ты народ обманываешь так?
Руки, что тебя избрали, подло продал:
Те — за пятачок, а те — за четвертак!

У Зухры безрукой дети есть — сироты, —
Ты крадешь ее копейки и рубли!
Без ноги пришел с войны Курбан, — его ты
Тоже обираешь. Сдох бы ты, Али!

«Губят вас болезни...» Знаем эти толки!
Как же! Все на хворь, на хищников вали.
Нас двуногие уничтожают волки!
Не за наш ли счет пируешь ты, Али?

1944

ВОР-ПРИМИРИТЕЛЬ

Толки меж людьми пошли:
Третий месяц, говорят,
Разговаривать с Али
Не желает Шахрузат.

Их мирили все друзья.
Но упрямо всем подряд:
«Не хочу мириться я!» —
Отвечала Шахрузат.

Но однажды в час ночной
Спал Али, а Шахрузат,
Сидя к спящему спиной,
На луну бросала взгляд.

Вдруг услышала она
Странный шум снаружи. Глядь:
Кто-то форточку окна
Стал тихонько открывать.

«Вор!..» Не помня ничего,
К мужу бросилась жена,
Жарко обняла его.
«Друг, проснись!» — зовет она.

«Вай, Шахру, моя любовь!
Явь ли это или сон?
Ты со мной, родная, вновь!» —
Прошептал, счастливый, он.

«Ох, молчи, Али, молчи!
Хочет вор залезть к нам в дом.
Встань скорей и закричи,
Разбуди народ кругом!»

«Пусть скорее я умру,
Чем исполню твой приказ,
Поцелуй меня, Шахру,
Обними еще хоть раз!

Эй! Клади к себе в мешок
Все, что хочешь, дорогой;
Ты один на свете смог
Помирить жену со мной!»

1946

ЧУДО

Исал Магома, что из мертвых воскрес
И лично всем близким прислал по привету,
Достоин прославиться в книге чудес,
А прочие могут попасть лишь в газету.

Однажды узнали в семье из письма,
Что в море умчали проклятые джинны
Ту лодку, в которой Исал Магома
Был штормом застигнут во время путины.

Поплакав, решила устроить родня
Поминки по грешной душе рыболова.
И печь накалилась до пляски огня,
И разом в котел угодила корова.

И только хотели, что важно весьма,
К столу подавать уже мясо коровье,
Как вдруг присылает письмо Магома:
Он жив и желает всем близким здоровья.

Тут плач прекратился и праздник настал,
Весельем людским обернулась утрата.
О чуде услышав, святоша Хавал
Воскликнул:
— Да здравствует день киямата![1]

— Зачем волноваться? — сказали ему
И подали водки: —
На̀, выпей-ка, это
Святая вода, что домой Магому
Вернула с того невеселого света!

И суфий, который считал, что грешно
Ему как святому здороваться с пьяным,
Стал водку со всеми хлестать заодно,
Не маленькой рюмкой — граненым стаканом.

Кто хлеб отказался бы есть, упади
Лишь капля спиртного поблизости с хлебом,
Бутылку к своей прижимая груди,
За шумным столом разговаривал с небом.

---

[1] День кияма́та — день воскрешения из мертвых.

Потом Магомеда Шарипа, что знал,
Как набожный горец, законы не худо,
На пир пригласили, и суфий Хавал
С ним, чокаясь, пил за великое чудо.

Хоть бороды были у них в седине,
Но так нализались наставники эти,
Что благословили портрет на стене,
За шейха кого-то приняв на портрете.

Исал Магома, что из мертвых воскрес
И лично всем близким прислал по привету,
Достоин прославиться в книге чудес,
А прочие могут попасть лишь в газету.

1935

ОСЛИЦА И ВОЛ МАГОМЫ

Мне рассказывала бабка о событии таком:
Магома владел в ауле и ослицей и волом.
Работящею ослица и прилежною была,
Вол замучен был работой, говорил, что тяжела.

Обратился вол к ослице: мол, яви мне доброту,
Дай совет, как не работать, труд мне стал невмоготу.
«Можно хворым притвориться», — говорит ему ослица.
Вол поверил, — есть не стал он, стонет, слышно
за версту.

Магома — так говорили — был всеведущий старик:
Понимал язык воловий и ослиный знал язык.
И, посмеиваясь, тихо: «Не такой уж я простак», —
Он вола оставил дома, а ослицу он запряг.

Целый день с утра до ночи Магома на ней пахал,
Не давал ей передышки, беспощадно погонял.
Злополучная ослица стала горько причитать,
Хитроумные советы, зарекаясь, подавать.

Под конец она охрипла, хоть крикливою была;
От усталости шатаясь, еле в стойло прибрела,
Завалилась на солому... К ней пришел наш вол знакомый,
В благодушном настроенье он спросил: «Ну, как дела?»

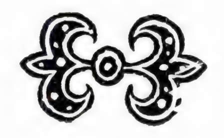
И ответила ослица, зря своих не тратя слов:
«Заболела я болезнью, неизвестной средь ослов;
Волновать тебя не стала б — я умру без слов и жалоб,
Но тебя предупреждаю: к грустной вести будь готов».

Вол попятился с испуга, услыхав про эту весть,
А ослица продолжала: «Вах! Зачем ты бросил есть?
Магома в большой тревоге: вол вот-вот протянет ноги, —
И решил на живодерку поутру тебя отвесть.

Наши спутались расчеты, мой совет был на беду,
Принимайся за работу, налегай-ка на еду!»

Растревоженный, смятенный, навсегда отбросив лень,
Вол с усердием завидным все подряд жевал весь день.
Взяв березовую палку, усмехнулся Магома:
Наказание ослица заработала сама.

1940

МУЛЛА И ОБМАНЩИКИ

Хитрый не богатеет, если нет дураков.

Аварская пословица

В базарный день, купив козу к курбан-
байраму,
Мулла повел ее домой. Вдруг — чудеса!
Трех путников нагнав, он услыхал: «Я сраму
Такого не видал: мулла — и тащит пса!»

«Паршивого к тому ж. Пса этого, бродягу,
Я знаю. Псы-бродяги злы.
Пес этот искусал намедни Махтумагу
И — подозрительно! — не трогает муллы». —

«Пес оскверняет твой халат! Эх ты, неряха!
Какой же ты мулла? Святей из нас любой». —
«Тот, кто не моется, — не признает аллаха.
Псов правоверные не водят за собой!..»

Поверив шутникам, мулла с великим страхом
Взмолился пред аллахом,
Чтоб отвести его грозу,
И — отпустил козу.

Он дома свой халат обмазал глиной[1],
Чтоб от него не отдавало псиной.
Коза мемекала вдали:
Ее обманщики с собою увели!

1940

---

[1] Собака у мусульман нечистое животное. Если собака оближет посуду, ее полагается мыть семь раз; последний раз — с глиной.

БАТЫР И ХАБИР

Жил хан — какого, не припомню, ханства.
При нем жил воин. Хан был не большой,
Но чванный, и делил с ним воин чванство —
Хабиру льстило ханским быть слугой.

Был у Хабира друг, страной далекой
Похищенный, увы! Велик наш мир,
И сердце не всегда в согласье с оком:
Давно в разлуке с другом был Хабир.

Но вот однажды на охоте с ханом
Хабир нежданно друга повстречал;
Коренья трав, укрывшись под платаном,
Бедняк жевал. Батыра друг обнял, —

Узнал его и в нищенском он виде.
Однако, чтобы хану подольстить,
Сказал: «Батыр! Обед твой незавиден!
Иль мало ханов, некому служить?

Когда б служил ты, хану угождая,
Как я, имел бы вдоволь ты еды:
Баранам и оленям подражая,
Травой кормиться не было б нужды!..»

Но посрамил льстеца батыр ответом:
«Не глупо ль счастье измерять едой?
Я плохо ем, но не тужу об этом,
Доволен я, Хабир, своей судьбой.

Не лучше ли быть с бедностью нам в дружбе,
Жить не в дворце, а под простым шатром
И быть свободным, чем на ханской службе,
Едою тешась, стать, как ты, рабом?..»

1946

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ

Один прославленный народом зодчий
(Была его заслуга велика)
Для хана выстроил дворец чудесный, —
Он кровлей уходил за облака.

Обрадованный хан созвать изволил
На пиршество великое народ.
На том пиру оленей подавали,
Из кранов бил хмельной фонтан щедрот.

И мастера позвал властитель щедрый,
Привел его к своей казне в подвал,
Открыли жемчуга и самоцветы.
«Бери, что сможешь унести!» — сказал.

Но червь тщеславья точит человека,—
Набив мешки, строитель так изрек:
«Владыка, ты велик, но что ты можешь,
Бессильный царь, поставить мне в упрек?»

Хан был безмолвен. Зодчий похвалялся,
И за двоих он говорил вдвойне:
«Дворец твой рухнет, если выну камень,
А вот какой — известно только мне!..»

Хан, промолчав, тогда с вином дал яду
Болтливому, и тот навек замолк.
На зодчего мы разве не похожи?
Язык наш губит нас, как лютый волк.

1941

ДИБИР И ХОМЯК

Жена говорит: «Мне обидно до боли, —
Хомяк обглодал наше скудное поле.
Как стал ты дибиром, прошел целый год,
А что ты имеешь?.. Погиб твой доход!»

Мои волоса поднялись под папахой,
Но выйти на поле решил я без страха.
Схватился за палку, достал я кинжал,
На случай — хозяйство семье завещал.

Сказал я жене: «Жди большого событья.
Хочу с хомяком в поединок вступить я.
Он мне надоел. Отплачу я с лихвой.
«Иль смерть, иль победа!» — мой клич боевой».

Пришел на участок — и стало мне больно.
Едва я взглянул, засвистел я невольно:
Ни зернышка не было, ни колоска —
Все стало добычей врага-хомяка.

Дибир

Меня аульчане избрали дибиром,
Меня почитать поклялись целым миром,
Тебя ли кормить обязался народ,—
Зачем же себе ты присвоил доход?

Не ты мусульман просвещаешь молитвой,
Зачем же ты срезал колосья, как бритвой?
Не ты с минарета вопил и орал, —
Зачем же посевы мои ты пожрал?

Меня обобрал ты и справа и слева.
Ты разве трудился во время посева?
Меня не жалея, урон мне нанес.
Ты разве на поле таскал мне навоз?

Найдется управа на всякого вора.
Отныне с меня не возьмешь ты побора.
Ослу надоест непосильная кладь,—
Терпел я, но должен тебя наказать.

К тебе не однажды взывал я с тревогой:
«Я бедный аварец, меня ты не трогай!»
Но знают кругом: не сношу я обид,
Я в гневе ужасен, я зол и сердит.

Грешить не хочу я, но, страшен злодею,
Поставлю капкан перед норкой твоею,
Чтоб знал ты, какой пред тобой человек.
Свяжу я твой рот — не разинешь вовек.

Для слабых — булыжник, для сильных ты — вата.
Но будет суровой с тобою расплата.
Для нищих — репье, для богатых ты — мед,
Но мести моей наступает черед.

Со мной повстречавшись, глядишь забиякой,
А сам ты дрожишь перед каждой собакой.
Тебя не пугает моя нищета,
Но разум теряешь, завидев кота.

Хомяк

«Законы судьбы никогда не осилим»,—
Зачем же насильем ты споришь с насильем?
«Веленьям творца покоряется мир»,—
Зачем же на мир ты сердит, о дибир?

Пудами с людей собирая поборы,
Зачем же с судьбою желаешь ты ссоры?
Молитвы читаешь, коран возлюбя,
Но злишься, едва лишь заденут тебя.

Народ, если станешь ты злиться, быть может,
Не только меня — и тебя уничтожит.
С тобою мы участь избрали одну,—
Зачем же свалил на меня ты вину?

Супруга твоя, рассердившись напрасно,
Серпом обожгла мою спину ужасно.
И ты перед норкой сидишь у межи,
Грозишь мне... но где твоя совесть, скажи?

Таким же, как ты, я родился животным,
Жующим и пьющим, совсем не бесплотным,—
Иль должен я с палкой, как нищий, ходить,
С младенцами в поисках пищи бродить?

Едва просыпаюсь в рассветной прохладе,
Кота нахожу перед норкой в засаде;
Когда же заката горит полоса,
Вокруг меня жадная ходит лиса.

Иной человек, как и ты, бессердечный,
Ловушку поставит, — я гибну, беспечный,
Иные с лопатой придут поутру,
Разграбят запасы, разрушат нору.

Иные нору заливают водою,
И тонут детишки, — знаком я с бедою!
Порою со всех окружают сторон,—
Без выхода я голодать обречен.

О люди, как тяжко мне жить с вами рядом!
Даете мне ватные шарики с ядом,
Камнями и палками бьете меня,—
Ни разу не знал я спокойного дня.

Ты сам посуди: если б не был я нищим,
Избрал бы я эту землянку жилищем?
Я сплю на колючках, мне жить невтерпеж...
Дибир, ты мучений моих не поймешь!

На поле твоем я кормился пшеницей,—
Людей обобрав, ты получишь сторицей;
Не то я погибну в норе через год,
И новый дибир будет грабить народ.

1915

СЛОН И МУРАВЕЙ

Дождик хлынул навесной,
Зной слегка угомонился.
Пировал народ лесной:
Заяц как-никак женился!

От закусок, снеди, вин
В этот день столы ломились.
Тост был поднят не один,
Шумно гости веселились.

Свадьба мирно бы прошла,
Но, мешавший с водкой пиво,
Вылез слон из-за стола,
Хобот свой задрав спесиво,

— Выходи, — раздался бас
Над поляною лесною.—
Кто помериться из вас
Может силою со мною?

Настроение гостей
Резко снизилось при этом.
Вдруг выходит муравей:
— Слон, прощайся с белым светом!

Засмеялся слон: — Нельзя
Приступить ли к поединку? —
И втянул он муравья
В хобот, будто бы пылинку.

Муравей того и ждал:
Не повел он даже бровью
И в четыре лапки стал
Щекотать ноздрю слоновью.

Отрезвевший, чуть живой,
Слон, поднявший рев и топот,
Дул, мотая головой,
Как в трубу, в огромный хобот.

А потом через кусты
Побежал, кипя от злости.
— Эй, герой, куда же ты?
— Струсил! — вслед кричали гости.

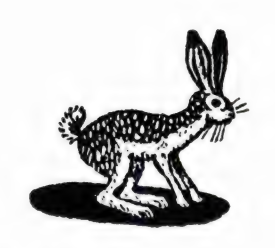
У слона — так мчался он —
Даже пересохло в глотке.
Рухнул вскоре грозный слон
От насмешек и щекотки.

А бесстрашный муравей,
Что слона сразить был в силе,
Возвратился в круг гостей,
Где его превозносили...

Вот о чем веду я речь:
Пред букашкой малосильной
От зазнайства может лечь
Слон доскою молотильной.

1939

ДЕЛЕЖ

Раз охотиться пошел
Лев с лисой и волком вместе.
Лань, зайчишка и осел
Были сражены на месте.

Серый волк по просьбе льва
Стал делить добычу смело:
«Проще, мол, чем дважды два,
Для меня такое дело».

Льву осла он преподнес,
Соразмерно с львиной мерой,
Зайца ткнул лисе под нос,
Лань себе оставил серый.

Но за это по башке
Лев его ударил молча,
И, как мяч, невдалеке
Голова упала волчья.

Лев сказал: «Покойный волк
Не сумел решить задачи.
Свой, лиса, исполни долг, —
Ты реши ее иначе!»

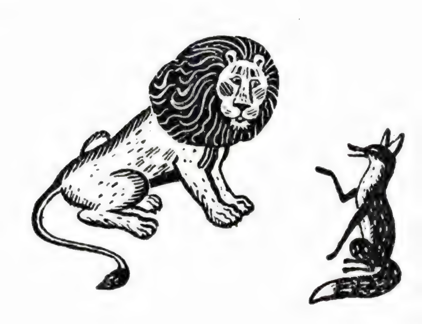
«О почтенный царь зверей,
Серый вел себя постыдно,
Был он мелочным, ей-ей,
Что делить здесь — мне не видно!

Вам на завтрак, спору нет,
Этот зайчик будет нужен.
Закусив ослом в обед,
Лань съедите вы на ужин.

Я в решении своем
К справедливости стремилась...» —
«Кто тебя таким умом
Одарил, скажи на милость?»

Поглядев на лапы льва,
Тихо молвила плутовка:
«Ум дала мне голова,
С волка снятая так ловко».

1940

КТО СЛУШАЕТСЯ БРЮХА, ТОТ ГОЛОВУ ТЕРЯЕТ

Жила-была собака.
Шатаясь на рынке,
Она являлась первой
На свадьбу, на поминки.

Она роняла слюнки,
Чуть где дымком потянет.
Везде она проникнет
И что-нибудь да стянет.

На бубны, их заслыша,
Летит подобно пуле,
Гремят они в своем ли,
В соседнем ли ауле.

Все праздники собака
Прекрасно различала.
Чуть праздник где — собака
Туда стрелою мчала.

Приметивши, к какому
Она привычней знаку,
Решили в двух аулах
Перехитрить собаку.

И вот аулы в бубны
Забили вперемежку.
Пустилася собака
В сплошную перебежку.

Бьют вперемежку бубны
С одной, с другой сторонки, —
Измаялась собака
От непрерывной гонки;

От жажды у собаки
Утроба пересохла.
Свалилася собака
И к вечеру издохла.

Но мертвая горюха
В сознанье нам внедряет:
«Кто слушается брюха,
Тот голову теряет».

1940

КОЗА И ВОЛК

С высокой крыши белая коза
Ругала волка серого в глаза.
Волк рассмеялся, козью брань услыша:
— Отважна так не ты, коза, а крыша!

1950

ЛИСИЦА И ЛИСЕНОК

Жила-была лисица —
Беззуба, стара, больна.
На промысел водила,
Учила лисенка она.

Однажды от злой простуды
Занемогла вконец, —
Ушел на охоту лисенок
Один в дремучий лес.

Бродя, он увидел зайца:
Беспомощен, сиротлив,
Лежал пластом несчастный,
От голода чуть жив.

Лисенку жалко зайца.
Вблизи, в тиши лесной,
Задумался он, горюя,
Над заячьей судьбой.

Вдруг, волоча добычу,
Пришел могучий лев.
Насытился лев, остатки
Дал зайцу, его пожалев.

К остаткам львиным заяц
Дополз едва-едва;
Хоть не по нутру, грызет их,
Восславив щедрость льва.

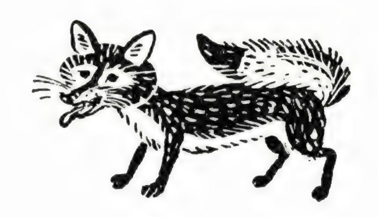
В раздумье малыш немедля
Вернулся к себе в нору
И все рассказал лисице,
Что видел поутру:

«К чему же наша охота,
Заботы наши теперь:
Ведь есть аллах милосердный
И лев — добродетельный зверь?!»

Тогда озлилась лисица:
«Не смей и помыслить так! —
И за уши несмышленка
Отодрала в сердцах.—

Не будь подобен зайцу,
Надеясь на милость льва, —
Будь львом на зависть зайцам,
Дурная ты голова!»

1945

РЕВИЗИЯ ХОМЯКА

Медведь, кабан, лиса и заяц
И прочий мир лесной звериный
Сошлись, решив идти артельной
Дорогой честного труда.

Посеяли пшеницу дружно,
Выхаживали дружно всходы,
Скосили хлеб, заскирдовали,—
Ура! Закончена страда!

Кому же поручить охрану
Общественного достоянья?
На этот пост хомяк был избран,—
Ему доверена скирда!

Теперь домашними делами
Все звери занялись усердно.
А хомячок наш толстопузый
Стал под скирдою рыть хода.

Работал он тайком, конечно,
Подземные амбары строя,
И хлеб из той скирды артельной
Бессовестно ссыпал туда.

И вдруг — ревизия! Кто б думал!
Ведь этакая недостача!
Хомяк под следствием! И вот уж
Доходит дело до суда!

А кто судья? Ах, всем известно,
Что хомяку свояк он близкий:
Пошли отсрочки, проволочки,—
Ну, а хомяк? Да не беда!

Судья, знакомясь с обвиненьем,
Нашел, что основанья шатки.
Был новый ревизор назначен —
Плут и мерзавец — хоть куда!

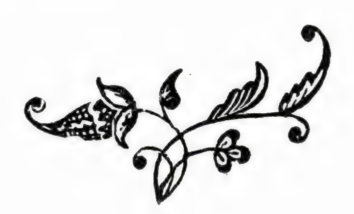
Поток нечестных показаний
И лживых справок бурно хлынул,
И омерзительнейше пахла
Лицеприятная бурда!

Грызун не только за хищенья
Не пострадал,— еще вдобавок
Он получил зерна: питанье
Усилить нужно в холода!..

Пожалуй, на меня в обиде
Останется хомяк почтенный,
Но полагаю, прав был первый
Из этих ревизоров. Да!

Я б не сказал, что так уж много
Людей с повадкою хомячьей
Встречал я в наши дни, однако
Еще встречаю иногда.

1946

Сказки

СКАЗКА О ТОМ, КАК МЫШИ КОШЕК ПОБЕДИЛИ

Когда-то в богатой
Долине Давран
Был город известный
Среди мусульман.

А в городе этом,
Тревожа пашей,
Возникло подземное
Царство мышей.

Напомнить хочу,
Продолжая рассказ,
Что хана мышиного
Звали Михраз.

Имел из числа он
Придворных пройдох,
Проверенных лично,
Советников трех.

Был первым визирем
При нем Зудамад,
Имевший за хитрость
Немало наград.

Он время не тратил
На чтенье бумаг.
Второй из советников
Звался Шайраг.

Делиться он с ханом
Был опытом рад.
Советником третьим
Считался Баграт.

Однажды, собрав их,
Владыка всерьез
Давнишний о кошках
Поставил вопрос.

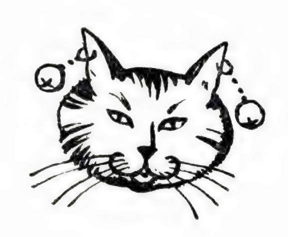

Сказал он с тревогой:
— Уведомлен я,
Что в городе нету
От кошек житья.

А слух этот горек
Для наших ушей.
От кошек должны мы
Избавить мышей.

Когда бы не кошки —
Чтоб всем им пропасть! —
Мои подопечные
Жили бы всласть.

А ныне терзает
Всех подданных страх.
И тиграми кошки
В их стали глазах.

Какой против недруга
Сделать нам шаг?
Совет твой желаю
Послушать, Шайраг.

— Будь славен, мой хан,—
Поклонился Шайраг, —
Да сгинет навеки
Опаснейший враг!

Чернели глаза его,
Как угольки,
И белыми были
Усы от муки.

— Давайте закажем,
Собрав кузнецов,
Большое количество
Мы бубенцов.

Их на уши кошкам
Лишь стоит надеть,
Как нечего будет
Бояться нам впредь.

Коль мышь не глуха,
То услышать врага
Сумеет она
За четыре шага.

Скосил на Баграта
Хан бусинки глаз:
— А ты что нам скажешь? —
Промолвил Михраз.

— Я хану желаю
Удачи и благ,
Но кажется мне,
Что увлекся Шайраг.

Когда б довелось
Бубенцы нам иметь,
Их на уши кошкам
Кто смог бы надеть?

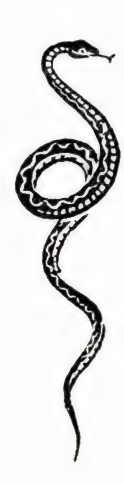
Намного разумней
Без шумных речей
Нам город покинуть
В одну из ночей.

Когда мы уйдем,
То в положенный срок
Здесь в кошках исчезнет
Какой-нибудь прок.

Коль нету мышей,
То кормить не расчет
Хозяину кошку
За собственный счет.

И в городе кошек
Не станут держать,
Тогда мы сюда
Возвратимся опять. —

Хан, выслушав
Двух приближенных подряд,
Спросил:
— Что советует нам Зудамад? —

И носа нацелил
В него острие. —
Поведай, мудрейший,
Нам мненье свое.

Визирь отвечал,
Поклонившись ему:
— В изгнанье мышам
Уходить ни к чему.

За городом долы
Простерлись вокруг,
В которых немало
Ежей и гадюк.

Нет смысла,
Хочу я сказать, ваша честь,
Нам нынче из пламени
В полымя лезть.

— Отвергнув совет,
Что вначале был дан,
Что сам предлагаешь? —
Спросил его хан.

— Пусть мыши
В одном соберутся дворе
И выроют каждой семье
По норе.

Чем будет богаче
Хозяин двора,
Тем больше последует
Вскоре добра.

Мы в первую ночь,
Не гнушаясь едой,
На ценные вещи
Нагрянем ордой.

Одежду и обувь,
Меха и ковры
Грызть будем
До самой рассветной поры.

И кошку вторую,
Уверен почти,
Хозяин немедля
Решит завести.

Мы в норах продремлем
Весь день напролет,
А ночью устроим
Повторный налет.

Еще одной кошкой,
Похожей на рысь,
Придется хозяину
Обзавестись.

Ночь третья настанет,
И, словно из тьмы,
Возникнем в жилище
Всем полчищем мы.

Проснется хозяин
И вздрогнет тотчас,
Увидев, что мы
Догрызаем матрас.

И, прыгнув с кровати,
На стол или стул,
Начнет на весь город
Вопить: «Караул!»

Озлившись на кошек,
Бессильных помочь,
Он утром из дома
Их выгонит прочь.

Теперь в его дом
Из мышей ни одна
Ни ночью, ни днем
Заходить не должна.

Решит пусть хозяин,
Что в кошках все зло,
Присутствие кошек
Беду принесло.

Другой между тем
Облюбуем мы двор
И снова в нем выроем
Тысячу нор.

И вскорости все
Повторится точь-в-точь,
Покудова кошек
Не вышвырнут прочь.

Нам действовать надо
Смелей всякий раз...—
Совет Зудамада
Одобрил Михраз.

Наверно, не более
Года прошло,
Как знал уже город,
Что в кошках все зло.

И мчался в тревоге
К соседу сосед,
Заметив кошачий
На улице след.

Поймавшие кошку
В капкан или сеть,
Сажали, как тигра,
В железную клеть.

С тех пор золотой,
Как с пшеницей сусек,
Настал для мышей
Благоденствия век.

1948

СКАЗКА О МЫШИНОЙ СВАДЬБЕ

Жил в горном селенье
Святой человек,
К познаньям себя
Приобщавший весь век.

В годах и детей
Не имевший к тому ж,
Отшельником слыл он,
Почтеннейший муж.

Склонялась в раздумьях
Его голова.
Однажды над ней
Пролетала сова.

И вдруг из когтей ее,
Дымчат и мал,
К чарикам святого
Мышонок упал.

Взмолился старик здесь:
— О небо, услышь!
Желаю, чтоб девочкой
Сделалась мышь!

Я девочку малую
Удочерю,
Заботой отцовской
Ее одарю!

Внезапно настала
Великая тишь.
И маленькой девочкой
Сделалась мышь.

Старик в колыбели
Качал ее сам.
Росла не по дням она,
А по часам.

Всего лишь неделя
Промчалась,
и вот,
Взяв сумочку, дочь
На прогулку идет.

Прекрасна обличьем,
Мила и стройна,
Становится вскоре
Невестой она.

И разноголосые,
Как петухи,
К ней сватов спешили
Заслать женихи.

Но им отвечала
Отказом она
И все повторяла,
Упрямства полна:

— Желаю в мужья
Среди каменных круч
Взять только того я,
Кто вправду могуч. —

И дочке приемной
Ответил отец:
— Могущества солнца
Всех ярче венец!

И дочь заявила:
— Тогда по весне
Пусть женится
Красное солнце на мне!

Отправился к солнцу
Ученый старик,
Но облако спрятало
Солнечный лик.

И слышит светило:
— Тебя лишь в мужья
Желанье явила
Взять дочка моя!

— Могучим, старик,
Я совсем не ровня.
Глянь, облако в небе
Сильнее меня. —

Здесь облако
С ясного солнца сошло
И, ветром гонимое,
Произнесло:

— Я ветру покорно
Во веки веков,
Гоняет гурты он
Таких облаков.

Но ветер промчался
Быстрее коня
И свистнул:
— Нагорье сильнее меня!

Когда преграждает
Нагорье мне путь,
Я вновь разбиваюсь
О скальную грудь.

Сказало нагорие,
Вздох обро́ня:
— Запомни, что мыши
Сильнее меня!

Прогрызли во мне они
Сотни траншей.
Все раны мои
От зубастых мышей.

Мышам поклонился
Печальный старик:
— Могуществом род ваш,
Я слышал, велик.

Сильнейшего дочке
Ищу я в мужья.
— У нас для нее
Не найдется жилья.

Не сможет она
Разместиться в норе,
Прорытой по нашим
Размерам в горе.

Старик возвратился
И дочке, как есть,
Поведал о собственных
Поисках весть.

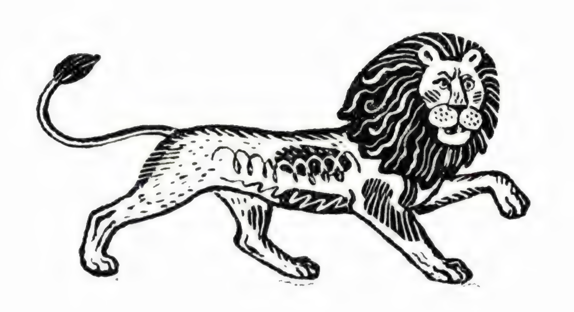
И, не опечалясь,
Воскликнула дочь:
— Ну что же,
Я сделаться мышью не прочь!

Стал небо об этом
Старик заклинать.
И дочь его сделалась
Мышью опять.

И свадьбы мышиной
Настала пора...
Дрожала от свадебных
Плясок гора.

1948

СКАЗКА ПРО ЗАЙЦА И ЛЬВА

1

Было ли, не было это
В крае, красивом и сильном,
Реками синего цвета,
Яствами, дичью обильном?

Лев, слывший всюду героем,
Был повелителем края,
Он занимался разбоем,
Жителей уничтожая.

Крупные, малые звери —
Все перед львом трепетали.
Так были страшны потери,
Что их считать перестали.

Звери, лишившись терпенья,
В скорби собрались великой
И, попросив разрешенья,
Молвили перед владыкой:

«Вот мы собрались в печали —
Зверь, насекомое, птица.
Хан милосердный! Нельзя ли
С просьбой к тебе обратиться?

Стыдно нам, совестно стало:
Ты, покидая жилище,
Должен метаться, усталый,
Вечно заботясь о пище.

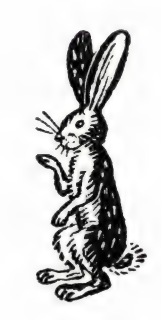
Вот если хан согласится —
Дух твой да будет в покое! —
Зверь, насекомое, птица,
Мы предлагаем такое:

Каждые сутки по зверю
Ты получаешь в угоду,
Но возмести нам потерю,
Дай нам за это свободу...»

Лев, изъявляя согласье,
Дело скрепил договором.
Звери ушли восвояси,
Славя властителя хором.

Так, сокрушаясь душевно,
Звери, верны договору,
Жертвой своей каждодневной
Льва насыщали, обжору.

Вышло однажды, что зайца
Доля отметила злая.
Загоревал он, признаться,
Кушаньем стать не желая.

Чешет затылок зайчишка:
Страшно идти к мироеду,
Хитрый собрал он умишко,
И... опоздал он к обеду.

Вздыбился лев раздраженный,
Шерсть его злобою пышет.
Прыгнуть готов, разъяренный.
Что же от зайца он слышит?

«Выслушай, хан, не терзайся!
Жалуюсь на произвол я.
Самого жирного зайца
В дар от зверей к тебе вел я.

Мчались в твою мы обитель,
Чтобы ты зайца отведал.
Вдруг — видим льва. И грабитель
Зайцем твоим пообедал.

Я убеждал его жарко:
«Вы, чужестранец, не правы!
Не отнимайте подарка
Хану звериной державы!»

Так говорил я злодею.
Что же посмел он сказать мне?
«Я этим краем владею,
А на других — наплевать мне.

Каждая тварь мне покорна,
Твой господин — самозванец...»
Нет, повторять мне зазорно,
Что говорил чужестранец!..»

Лев, помышляя о мести,
С зайцем отправился, мрачный.
Вот приближаются вместе
К озеру с влагой прозрачной.

Сердится лев раздраженный,
В озеро глянул владыка —
В озере лев отраженный
Сердится злобно и дико.

Этакой дерзости сроду
Лев не терпел. Зарычал он,
Бросился в ярости в воду —
И утонул, и пропал он.

2

Звери, проведав о смерти
Жадного льва, поспешили
Сходку созвать и — поверьте! —
Праздник веселый открыли.

С шутками, с радостным смехом
Шли они с севера, с юга
И с небывалым успехом
Все поздравляли друг друга.

Мчались полями, лесами,
Точно река в половодье.
Зайцы спешили с лисами,
Радуясь милой свободе;

Шли муравьи поколонно,
Пять или шесть поколений;
Туры впряглися в фургоны,
А на фургонах — олени;

Род появился кошачий,
В бархат и шёлк разодетый;
Птицы — скромней, но богаче:
Серьги на них да браслеты;

Старая, с клювом, с когтями,
Крашенными кармином,
С пудреными щеками,
Села сова за пьянино.

Прибыло сусличье войско
С музыкой духовою.
Мыши с отвагой геройской
Тигра вели за собою.

К сусликам скоро примкнули
В замшевых туфлях лягушки, —
Зонтики и ридикюли
Не позабыли толстушки.

Заяц, добывший свободу,
На фаэтоне примчался
И, показавшись народу,
Кланялся и улыбался.

Матушка зайца стояла
Возле слона-исполина

И, торжествуя, сияла,
Гордая подвигом сына.

Танцы открыла зайчиха.
Начались игры и пляски,
И с черепахою лихо
В бубны ударили ласки.

Птицы, легки и крылаты,
Пели с уменьем и чувством,
А пауки-акробаты
Всех поражали искусством.

В дудку дудели фазаны,
Весело мухи толпились,
И на ветвях обезьяны
Прыгали и кружились.

Осы играли на флейте,
И, подмигнув обезьянам,
С криком: «Играйте и бейте!» —
Еж прискакал с барабаном.

Начал накрапывать дождик,
Вечер сошел на долину.
Тут появился художник
И срисовал всю картину.

1940

ПОЭТ ГОР

Во вторую годовщину победы над гитлеровской Германией мой однокашник по литературному институту Расул Гамзатов пригласил меня провести летние каникулы в доме его отца — Гамзата Цадасы.

Двери этого дома в Махачкале были всегда открыты для гостей. В нем была комната, которая по-горски именовалась кунакской. Она никогда не пустовала. Здесь обычно останавливались земляки хозяина дома — цадинцы, гордившиеся тем, что Гамзат, сделав своим псевдонимом имя родного аула Цада, прославил его на всю страну. Пользовались гостеприимством Гамзата и уроженцы других аулов. Часто наезжали

русские писатели — Николай Тихонов, Владимир Луговской, Петр Павленко, Семен Липкин.

О столе и удобствах для гостей заботилась жена поэта — Хандулай. Женщина необыкновенной доброты, трудолюбия, выдержки и такта, Хандулай хорошо понимала своего мужа и была достойна его. После гибели двух старших сыновей, павших на войне, она ходила в трауре, но рук не опускала. Гамзат с любовью писал о ней, что если бы не она, то вряд ли бы он достиг того, что сделал.

Когда на заре он садился за работу и до слуха домочадцев доносилось его бормотание, похожее на молитву, Хандулай снимала башмаки, чтоб не нарушать тишины в доме.

Как-то, вернувшись из Москвы, Расул, видя, как много забот ложится на плечи матери из-за того, что двери дома всегда открыты, осторожно посетовал на это в присутствии отца. Тогда Гамзат спросил его:

— Что ты хранишь в шкафу, мой сын?

— Книги, отец.

— У каждого своя библиотека, Расул. Люди — это мои книги...

Гамзат был человеком высокой нравственной культуры, образованным и начитанным. У меня хранится одна из книг поэта с дарственной надписью по-арабски. Мастер аварского стиха, Гамзат в равной мере хорошо знал арабскую и русскую литературу, пере-

водил Пушкина, высоко ценил поэзию Армении и Грузии.

Нынешний день рождается из вчерашнего. Наверно, поэтому сын простого горца Магомы свято чтил память предков и историю своего народа. В его кабинете над рабочим столом висел портрет рыжебородого Шамиля.

Гамзат был щедр, отзывчив, доверял людям и старался никогда ни в чем не отказывать им. Кумыкский поэт Аткай, зная эту черту Гамзата, помнится, обратился к нему с такой просьбой.

— Гамзат, — сказал он, — один мой родственник в горах собирает материал о времени, описанном Толстым в «Хаджи-Мурате». Нет ли у тебя чего-нибудь столь же достоверного о бурных днях Кавказа, как и в той повести.

— Погоди!

Гамзат пошел в кабинет и вынес ему книгу:

— Держи!

— Что это?

— Рукописный дневник секретаря Шамиля. Через полмесяца вернешь: книга мне будет нужна для работы.

На свете множество людей, и все они, за редким исключением, загадочно не похожи друг на друга. Природа не конвейер, она не терпит шаблона. Настоящие поэты всех времен не схожи стихотворной

интонацией, душевным ладом и своеобразием почерка.

Сын Гамзата — Расул печататься стал рано. Он учился в седьмом классе, когда его стихи, подписанные отцовским псевдонимом — Цадаса, стали появляться в аварских газетах. В автобиографическом очерке он рассказывает: «Однажды горец, который не знал, что я грешу стихами, сказал мне: «Послушай-ка, брат, что случилось с твоим уважаемым отцом? Раньше, прочитав его стихи только раз, я запоминал их сразу наизусть, а теперь даже понять не могу!» С тех пор сын Гамзата, сделав имя отца своей фамилией, стал подписываться под стихами: Расул Гамзатов.

Еще до приезда в Дагестан я знал, что автор «Метлы адатов» — Гамзат Цадаса, острый, блистательный сатирик. Его строки зачастую изустно пересекали горы еще до того, как стихотворение обретало печатную форму. Заслуженно Гамзат носил звание народного поэта.

Однажды в дом к Гамзату вошел хмурый мужчина. Опустив голову, он сказал поэту:

— Я знаю, ты осуждаешь мой поступок, как и те, в ауле. Я не оправдываюсь, я виноват!

— Что тогда? — спросил Гамзат.

— Просьба есть!

— Говори!

— Об одном прошу, не сочиняй про меня стихов. Не позорь перед горами! Ты — депутат, вели лучше, чтоб судили...

Гамзат был строгим и взыскательным художником. Афоризм — «Слово дороже коня» — из древнего предания горцев стал его девизом. О высоком назначении таланта он высказывался так:

«На рынках закон существует
издревле:
Чем больше товара — тем стоит
дешевле.
Товар и талант меж собою
не схожи,
Таланта чем больше, тем стоит
дороже».

Помню, я сопровождал Гамзата Цадасу на литературный вечер в городскую библиотеку Махачкалы. Над улицами висела сиреневая дымка, со стороны моря поднималась луна, и вокруг вспыхнувших фонарей витали рои мотыльков. Встречные здоровались с Гамзатом. Невысокого роста, тонкий, как истинный джигит, он был одет в гимнастерку, подпоясанную кубачинским поясом, и обут в сапоги. Какой-то седобородый старик в папахе, приложив ладони ко лбу и сердцу, поклонился ему:

— Салам алейкум!

— Ваалейкум ассалам! — ответил Гамзат и тоже приложил ладони ко лбу и сердцу.

Я спросил, кто этот человек. Гамзат ответил одним словом:

— С гор...

Накануне одной из встреч с избирателями Гамзат заболел. Ему предложили повременить с поездкой в аулы. Он отказался. Тогда сказали, что пришлют машину с хорошим водителем, который может по крутым дорогам ездить мягко, как по асфальту. Поэт грустно улыбнулся и вежливо отказался от машины. Он ценил заоблачные тропы и любил подниматься в горы верхом. Мудрый и мужественный, он появился перед людьми в седле и вечным всадником остался в их благодарной памяти.

...Была желтая осень, в холодном небе печально перекликались станицы перелетных птиц. Я шел бульваром по шуршащим листьям к памятнику Гамзата Цадасы. Я знал поэта и переводил его стихи. Со стороны площади появился седобородый человек в лохматой черной шубе и папахе, похожей на тучу. Он приблизился к изваянию поэта и, приложив ладони ко лбу и сердцу, поклонился ему.

Яков Козловский

СОДЕРЖАНИЕ

Четверостишия

Стихотворения. Басни.

Сказки

Для среднего
и старшего возраста

Гамзат Цадаса

УРОКИ ЖИЗНИ

Ответственный редактор
Р. Д. Кафриэлянц
Художественный редактор
С. И. Нижняя
Технический редактор
Н. Д. Лаукус
Корректоры
Л. М. Агафонова и Е. И. Щербакова

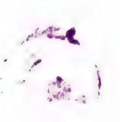
Сдано в набор 14/V 1976 г. Подписано к печати 28/X 1976 г. Формат 60×90[1]/[32] Бум. типогр. №1. Усл. печ. л. 6 Уч.-изд. л.4,88. Тираж 50 000 экз. Заказ № 474.
Цена 39 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Детская литература“. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Сортавальская книжная типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР. Сортавала, Карельская, 42.

Цадаса Г.

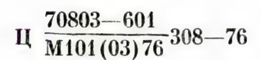
Ц13 Уроки жизни. Стихи. Второе, дополненное издание. Пер. с аварск. М., «Дет. лит.», 1976.

190... с. с ил. (Поэтическая б-чка школьника).

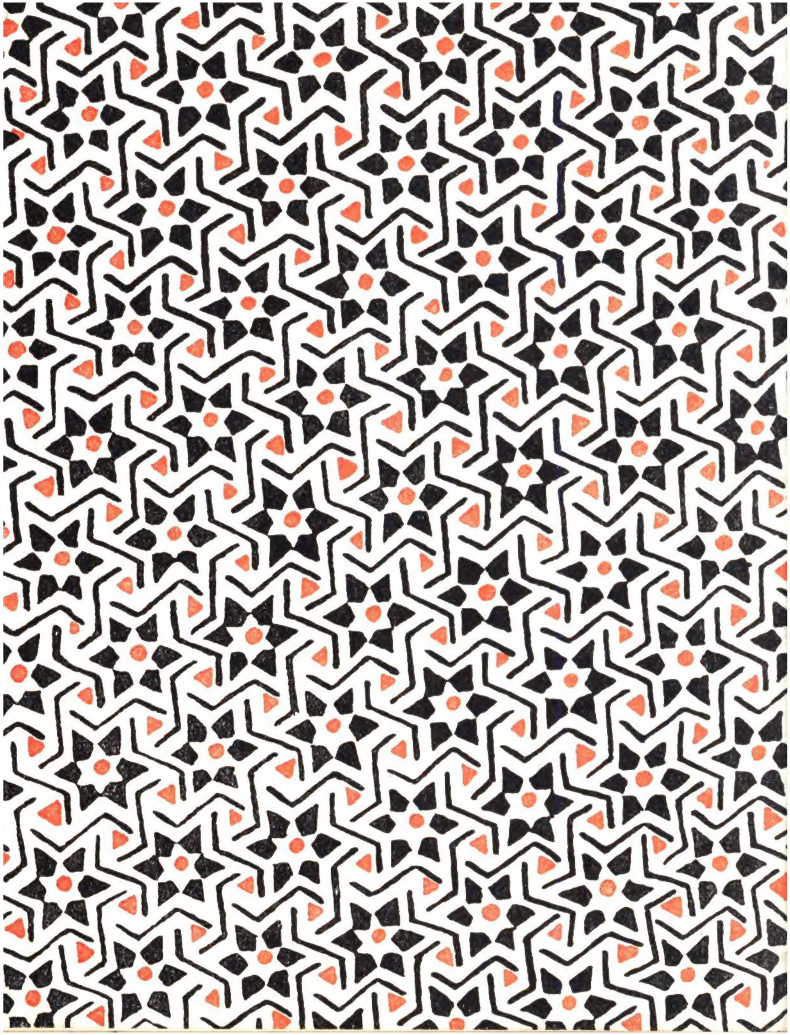
В сборник выдающегося народного поэта Дагестана Гамзата Цадаса вошли стихи разных лет. Богата тематика произведений поэта-просветителя: родина, родной очаг, дружба и товарищество, честность и бескорыстное служение родному народу. Зло и метко разоблачает он в своих произведениях пороки: хвастовство, нечестность, ложь, предательство. Переводы осуществлены известными переводчиками.

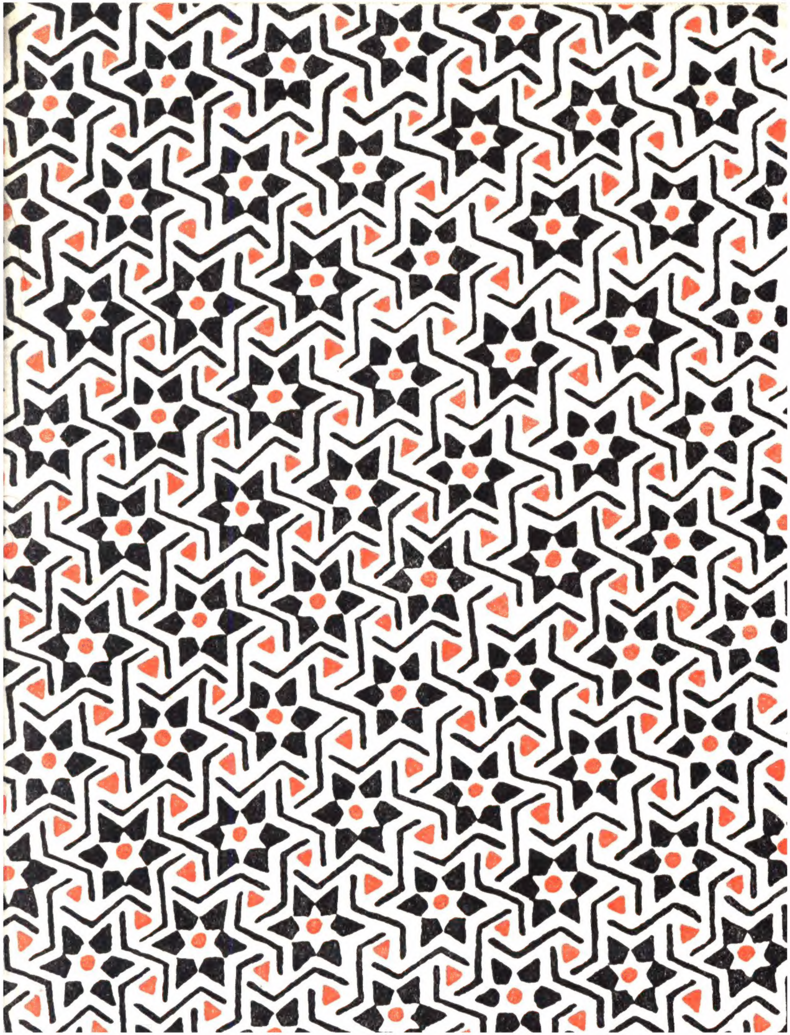

С(Даг)

Ц $\frac{70803-601}{М101(03)76}$ 308—76

Гамзат Цадаса